

Эрика Легранж
Перемены неизбежны

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Легранж Э.

Перемены неизбежны / Э. Легранж — «ЛитРес: Самиздат», 2015

В центре событий зажиточная семья Эсмондхэйлов, в которой нет взаимопонимания. Две сестры навсегда становятся врагами, чуждыми людьми, их судьбы уже предопределены, но в какой-то момент возникает непредвиденное обстоятельство. Если для старшей Пенелопы – это цепочка неприятностей, то для младшей Джулии – поиски достойного мужа, постоянные колебания, связанные с родственниками богатой тетушки. Но только обе девушки еще не знают, что стали жертвами коварного замысла одного негодяя и как сложится их дальнейшая судьба, никому неизвестно. Этот роман лишь выдумка автора в антураже Викторианской эпохи, но автор постарался максимально реалистично приобщиться к тогдашнему обществу, ощутить всю глубину и тщетность Лондона, а также показать настоящие чувства, которые зарождаются со временем. Это история про семейные отношения, дружбу, богатство и бедность, а так же про настоящую любовь и искренние сердца. Добро пожаловать во времена Викторианской Англии.

ЧАСТЬ I. СТЕЗЕЙ ПРАЗДНОСТИ

ГЛАВА I. Как в “шелковом” замке.

Эта истории начинается со званого ужина, который по возвращении в родной Фортенхолл, решила устроить миссис Эсмондхэйл. Приглашенных гостей оказалось не так много – не более двадцати человек. Зажиточные знакомые покинули эту местность, на время зимнего сезона, переселившись в Лондон. А вот небогатые соседи, несколько подруг хозяйки и некоторые из бывших одноклассниц младшей дочери с удовольствием прибыли в Фортенхолл. Наивысших почестей приема удостоились двое лондонских джентльменов, с которыми дамы успели познакомиться на одном из столичных балов. Диана была сегодня в центре внимания, она собрала вокруг себя самых преданных слушателей – говорили о столичных развлечениях. В особенности многих заинтересовало знакомство с лондонскими господами, ради этого молодежь покинула рояль, присоединившись к хозяйке:

– ... Мистер Фиджер был столь любезен, что проводил до своей наемной кареты и, обогнув немалый круг, доставил на Оксфорд-стрит. А потом, в течение нескольких дней, постоянно осведомлялся, передавая визитки, как перенесли мы неприятное потрясение. Но право же, я на экбмена ныне не злюсь, он появился на следующий день и чистосердечно признался, что принял графиню*** с дочерью за нас, но эта леди сама бесцеремонно уселась в экипаж – бедный извозчик понял ошибку, когда повернул на Ковен-Гарден и оказался на Друри-Лейн.

– До каких пределов дошли эти исчадия Автомедонта[1], – возмущенно выступил один представительный мужчина, его привычка вставлять фразы и вмешиваться в разговор отчасти намекала на его почетное звание – он был мировым судьей.

Но Диана лишь улыбнулась в ответ, картинно вздохнув для показания своей значимости:

– Я простила оплошность кучеру, эти бедные рабочие чего не сделают, чтобы заработать лишний пенс, – она иронично улыбнулась одной из дам, которая любила порицать всяких чернорабочих, она особенно жестоко высмеивала прислугу:

– Мистера Фиджера уже можно произвести в рыцари, и величать его Сэр Арчибальд, – мелодично пропела одна из молоденьких девиц, возбужденно помахивая своим веером и улыбаясь на всю ширину зубов, но никем эта шутка не была принята, некоторые господа недоумевающее посмотрели на нее, поскольку мистера Фиджера звали Рэндольф.

Господин, к которому это относилось, довольный своей популярностью за столь незначительные услуги, выразил готовность всегда приходить почтенным дамам с дочерьми на помощь. Он грациозно поклонился, принаравливаясь к выправке военных.

– Значит, Лондон теперь не будет мне страшен, ибо вы, мистер Фиджер, повторяя путь доблестного рыцаря, всегда вызволите хрупкую девушку из ловушки, – выразила свое одобрение одна из красивейших украшений этого вечера – младшая дочь хозяйки дома – Джулия Эсмондхэйл. Прелестнейшая рыжеволосая красавица, с томными серыми глазами, с пухленькими алыми губками и безупречными манерами. Ее почитали ангелом, но подлинный характер был скрыт от посторонних глаз, лишь немногие знали, какая же эта девица капризная и непостоянная.

– О да, мисс Джули, разрешите мне и дальше быть вашим верным слугою, и под моим покровительством вам решительно нечего будет опасаться, – казалось, мистер Фиджер увлекся Джулией настолько, что предпочел остальным милым претенденткам. Он подходил к ней пару раз засвидетельствовать почтение и нижайше просил разрешить сказать ей несколько слов у окна, где выражал бесконечное восхищение и проявлял различные маленькие знаки внимания.

Как и полагается на таких меропрятиях, многие дамы, уподобляясь знаменитым пианисткам, встревоженные блеском соперниц, изъявляли желание усладить публику исполнением мелодий и продемонстрировать мастерство. Джулия бесподобно сыграла и спела модную по тем временам песню. Кто-то из особо беспечной молодежи привез пьесу, которую обще-

ство охарактеризовало как пасквиль[2], обсуждая все острые моменты, отображенные в ней. Молоденькие девушки и некоторые господа были в тайном восторге, а старшее поколение признало сцены любви моветоном, а главных героев – падшими людьми. Это событие пришлось не к чести хозяйки, но Диана постаралась превратить все в шутку, лишь пожурив неизвестного шутника. Произведение хотели швырнуть в огонь, но потом оно перекочевало на кухню, окруженное суетящимися слугами, а его хозяин так и не объявился. Только один человек, который не смог в гостиную взглянуть на строки распутной любви, но отважился спуститься и забрать бедную тетрадь из пыльной коморки, оказался, ни кем иным, как Пенелопой Эсмондхэйл – старшей дочерью госпожи Дианы Эсмондхэйл. Девушка славилась своим тяжелым характером – по мнению сплетниц – за свой дурной нрав она не только причислялась к старым девам, но и была признана «темной лошадкой». Хотя она мало обращала внимания на пересуды других.

Освещение коридора оставляло желать лучшего, и, все-таки, она решила остаться здесь, ибо укрывшись за портьерой, надежно спряталась от назойливых глаз. Общества ее не искали, и мать вряд ли заметила бы ее отсутствие. Уединенность прельщала девушку, предоставляя относительную тишину, если не считать снующих лакеев с подносами. И все же, чтение она отложила, ведь негромкий разговор, раздающийся в паре шагов от ее укрытия, был куда более интересен:

– Фиджер, старина, я тебя давно знаю и вижу, как ты весь вечер таращишь глазенки на эту мисс Джулию. Красотка еще та, только ты уверен, что она интересуется тобой, мне сдается, флиртует она и все? – это был второй незнакомец, приехавший из Лондона. Пенелопе сразу впало в око то, что сей джентльмен никакими особыми манерами не отличался, лишь показывая наигранную значимость. Порою он пытался произвести приятное впечатление на девиц, но оказавшись подле нашей героини, сразу упал в ее очарование. Не было в этом джентльмене ничего, кроме пустого бахвальства, а теперь он и вовсе стал неприятен, так грубо заговорив о ее сестре.

– Флирт был в начале вечера, но после моих ухаживаний, она подпустила меня к себе довольно близко, так что ты неверен в своих предположениях, Хайред.

– Да хоть убей меня на этом месте, я не верю! – Хайред неприятно хихикнул, его острые усы напоминали усики таракана, так и хотелось их отщипнуть, но девица выглядела слишком напряженной, опасаясь быть замеченной, но желая расслышать их переговоры до конца.

– Хорошо, я докажу тебе поцелую в губы...

– У всех на глазах? – и что за привычка после каждой фразы издавать смешок.

– Нет! Этого, пожалуй, не будет, я поцелую ее в уединенной комнате.

– А как я узнаю, что ты не соврал?

– Я попрошу локон ее рыжих волос и платочек с инициалами...

– Договорились.

Мистер Фиджер, красуясь перед своим дружкой победой над девичьими сердцами, даже не догадывался, какому строгому судье вверяет свою тайну, и какое его ожидает наказание. Никаких колебаний относительно назначенной кары не возникло, она исполнит долг старшей сестры, какими бы ни были последствия, выручит Джулию от возможного позора.

Спустя час эта история разъяснилась окончательно:

– ...Мисс Джулия, вы прелестнейшая из женщин, – он закрыл дверь и подошел к ней очень близко, отчего девушка замялась, явно ощущая сладостную опасность пребывания с мужчиной наедине. Общество не простит ей подобный фривольный поступок, если конечно, мистер Фиджер не решился сегодня сделать ей предложение. О, это было бы самым замечательным продолжением вечера, тогда она тут же все расскажет матушке, они немедленно напишут отцу, если мужчины уладят все дела, то летом можно будет пожениться, уехать куда-нибудь в их медовый месяц. Сколько радужных надежд проплыло в голове девушки за минуту, но...

– Так, и что вы делаете с моей сестрой?! – негодуяще воскликнула Пенелопа, буквально вбежав за ними следом.

– Мы играем в прятки, – в испуге начала оправдываться Джули, задыхаясь от нахлынувшей злости, кавалер стоял неподвижно на безопасном расстоянии, лишь держась за пальчики своей спутницы. Что-то не заладилось с его планом, не вовремя появились посторонние наблюдатели.

Пока они не сделали еще ничего плохого, но Пенелопа не намерена была ждать его торжества, она гордо выпрямилась, ибо имела рост небольшой, но сложена была превосходно:

– Я знаю, как это выглядит, но я всего лишь хотел защитить леди от страха перед темнотой.

– Моя сестра не боится призрачных теней, а я разгадала ваше намерение, только увидев вас подле Джулии в гостиной.

За дверью уже послышался оживленный шепот, вся эта возня в комнате привлекла несколько девушек. Мистер Фиджер выскочил из комнаты и незамедлительно откланялся перед хозяйкой в гостиной. Он был возмущен до предела. Джулия побелела от гнева и тоже выбежала прочь. А еще незадачливому хвосту сегодня не сопутствовала удача – на крыльце он обронил шляпу, чуть не поскользнулся на ступеньке, его трость получила заметную царапину, а дружок Хайред осыпал своими неприятными насмешками и сыпал, видимо, ими до самой столицы.

Этот инцидент так и остался в прошлом.

***

Итак, история эта произошла в феврале 1840 года, но даже спустя несколько месяцев, сестры с трудом уживались в одном доме, и стоило им сойтись в одной комнате, как тут же всплывали старые обиды:

– Ты подлая змея, – сквозь зубы процедила Джулия, удерживая в себе гнев, ненависть, желание немедленно убить сестру, насколько это позволяла ее натура. И в то же время она никак не хотела оказаться в глазах общества обычной истеричкой, поэтому поборов усилием воли бурю души, выговорила следующую фразу, намного спокойней:

– Я не нуждаюсь в твоём надзоре, ты унизила мистера Фиджера, чтобы отпугнуть его от меня. Ну что же, радуйся своей победе, удовлетвори тщеславие. Но запомни – если ты останешься на моем попечении, то не будешь разделять кров со мной, ты будешь жить как отшельница в деревенской глуши, и у тебя будет только одна горничная, кухарка и кучер, хотя нет, зачем он тебе, у тебя же не будет даже самой паршивой кобылы... Я уж постараюсь, чтобы ты раскаивалась до конца своих дней...

Далее, они и вовсе разругались, и Джулия вдобавок пообещала, что назначит жалование всего двести фунтов в год вот пусть и живет на них, коль посмеет. А на Рождество будет дарить книги о том, как хорошие девушки выходят замуж за богатых принцев, а злые и противные остаются старыми девами и вяжут носки. На что Пенелопа гордо ответила:

– Носки вяжут те самые хорошие девушки, которых почему-то не берут в жены, а злые и противные с блеском выходят замуж за принцев, пишут красивые этюды, и не утруждают себя столь ненужным рукоделием.

Мать вошла в гостиную и, не разобравшись в споре двух девиц, немедленно пресекла угрозы старшей дочери, отослав ее наверх томиться в своей комнате, пока родительница не решит, можно ли ей будет спуститься к ужину:

– Вот и прекрасно, – про себя молвила Пенелопа в покоях, плюхнувшись на кушетку.

Ее комната уже давно превратилась в островок уединения в часы семейных штормов. Она позвонила: в комнату вошла молодая служанка Тесс и принялась переодевать госпожу, которая до своей размолвки с родными, намеревалась прогуляться. И пока точеные пальчики

укладывали красивые светло-русые волосы в прическу, барышня подавила зевок и не один, придумывая, чем бы себя занять. Никакое полезное дело не привлекало теперь, поэтому она предалась любованию своей внешностью, созерцая себя в зеркало, что было одним из любимейших ее занятий. Ах, как же она мила и очаровательна: острый носик и маленькая родинка, слегка заметная на нем. Эти смелые милые бровки и несколько веснушек, которые скорее подчеркивают некоторую изюминку лица, нежели портят красоту. А этот лукавый огонек в светлок-арих глазах, сверкающий сквозь густые ресницы и эти маленькие губки, изогнутые в ироничной усмешке?

В то время она отметила свой двадцать пятый день рождения, но о старости и зрелости девица никогда не задумывалась, полагая, что весна ее жизни вечна. Когда камеристка отошла от дамы, та встала и грациозно прошлась по комнате, наблюдая за собой в зеркале – наряд светло-бирюзового цвета хоть и простоват, но строго очерчивал фигурку и гармонировал с цветом кожи. Не было на нем ни пестрых лент, кружев, вышитых узоров, зато сидел он идеально на незамужней барышне, редко посещающей свет. Ее лицо не совсем соответствовало канонам красоты, принятым в обществе – хотя здоровый румянец и едва заметная смуглость кожи, придающая ей выразительность, отнюдь не портили естественное обаяние. Она была похожа на отца, который и любил ее больше, в то время, как мать обходила своей родительской симпатией, предпочитая младшую дочь.

«– Как может мать так разделять своих детей!? – запротестует кто-то в зрительном зале, – Девушка ведь ни в чем не виновата!»

Автор замялся, нервно теребя листовки с текстом, и не зная, что сейчас надобно ответить: – Но ведь история только начинается...»

Вся правда кроется за семью замками, в сердце горделивой Дианы Эсмондхэйл, которая не любила дочь из-за схожести с отцом. Теперь расскажу о мистере Эсмондхэйле. К превеликому разочарованию, он отсутствовал и уже изрядно давно, с тех самых пор как... как умер их старший сын Фредерик. Это страшное горе постигло их семью пять лет назад, и навеки разъединило родственный кружок. В одном родители сходились воедино – они гордились сыном. Мистер Эсмондхэйл видел в нем наследника, а мать – защитника, и когда его не стало, они не смогли этого перенести вместе, и каждый убежал от горя по-своему. Отец уехал за границу ввиду каких-то неотложных дел и ради поправления здоровья, а мать стала проводить жизнь в светских развлечениях, чтобы восполнить утрату чада пустыми интересами. А также заинтересовать этим дочерей, потому частенько она брала Джулию на светские рауты. Кроме всего прочего, в последнее время ее главной заботой стало выдать младшую дочь замуж, так как старшая наотрез отказалась когда-либо даже об этом задумываться. И все бы хорошо, но на этой почве Пенелопа еще больше поссорилась с Джулией, потому как видела жизнь совсем в ином свете. Ведь младшая мисс Эсмондхэйл рисовала будущего мужа богатым, знатным господином с пятью – шестью, а то и больше тысячами дохода, и главное – родовитого, но уж никак не простака с тысячей или двумя в год. А еще надобно, чтобы жених имел истинно аристократичные корни. И вот когда такой женишок подвернулся в лице мистера Фиджера, мать и дочь, посоветовавшись, пришли к выводу, что лучшего не сыскать – для них он был галантен и снисходителен, а еще баснословно богат. Хотя на самом деле, всего лишь напыщенный индюк, довольно глупый, слишком заносчивый, гордый, и к тому же не очень красивый; его главной целью в жизни были развлечения, и он и не собирался связывать себя хоть какими-то узлами и умерять запросы. Но наивная Джулия принимала пустозвонные слова за глубокомысленные речи и поверила в сказку, которую сама же выдумала, будто родовитый сынок восхищается ею, и готов вот-вот сделать девушке предложение. Но от очевидного позора ее уберегла сестра и за это поплатилась.

Но каким бы отважным и вполне оправданным вам ни показался поступок Пенелопы, сестра, которая понятия не имела о споре господ и ее мать подумали, что их нерадивая овечка

из зависти устроила джентльмену прехорошую трепку. А теперь наша героиня понесла вполне незаслуженное наказание, в очередной раз оставшись на неделю-две без ужина и моциона, а также без позволения прогуливаться домом.

[1] Автомедонт или Автомедон – в древнегреческой мифологии – возница Ахилла; после смерти Ахилла служил Неоптолему, в другой версии – искусный возница, выкручивающийся из любых ситуаций.

[2] Пасквиль (нем. Pasquill, от итал. pasquillo), сочинение, содержащее карикатурные искажения и злобные нападки, цель которых оскорбить и скомпрометировать какое-либо лицо, группу, партию, общественное движение и т.п. Название "П." происходит от имени римского башмачника Пасквино (Pasquino, 15 в.) – автора едких эпиграмм на высокопоставленных лиц.

ГЛАВА II. Воспоминания былого.

Как-то раз, проснувшись утром пораньше, Пенелопа ощутила огромный прилив бодрости и веселья. Сегодня ей снова можно было совершать прогулки, и она непременно воспользуется этим благом. Ее наказание продлилось и так больше недели, пока наконец вчера Диана не смилостивилась над мольбами нелюбимой дочери, разрешив выходить из дому. Немилость сестры ей не страшна, пусть с того момента они и двух слов не сказали, но это неважно, главное, все позади. Едва завтрак закончился, Пенни в шерстяной темно-оливкового цвета амазонке, уже живо шагала в сторону конюшни, дабы нанести визит своей любимой лошадке Капелане. Ее дружок – бурая полукровка, была подарена покойным Фредериком и потому с ней обращались очень бережно. Да и верхом кататься одно удовольствие: она уверенно шла мягкой иноходью, была хорошо приручена под дамское седло, не делала резких размашистых рывков и будто бы создана для прогулок неумелой наездницы.

Со временем, конечно, Пенелопа стала уверенней держаться, но никогда не согласилась бы пересесть на порывистую андалузскую чистокровку Джулии – Дориеру, с которой даже сама счастливая владелица с трудом справлялась. Частенько мальчик с конюшни держал за поводья горячую кобылу, готовую в любой момент пуститься вскачь и сбросить свою ношу. А Капелана спокойно плелась по парку и полям, увозя госпожу за пределы усадьбы.

Сегодня надобно было посетить несколько мест и прокатится до сельской церквушки. Узнать, как чувствует себя соседка миссис Лоур, совсем недавно разрешившаяся наследником – маленьким Джеймсом Томсоном Аделаид Лоуром. Заскочить на чай к всезнайке всех вестей и сплетен – старушке миссис Гранд, недавно ставшей еще раз бабушкой, с которой барышня частенько водила дружбу из-за отсутствия подруг – сверстниц. Вернее, в прошлом у мисс Эсмондхэйл была подруга, еще с пансиона, но теперь они порвали всякое общение из-за того, что подружка вышла замуж и уехала в дальнее графство, не оставив нового адреса. И, наконец, приятный час прогулки – заскочить в отдаленную часть огромного парка, обсаженного липами, молоденькими березками, высокими стройными тополями и вековыми дубами. С этого места отчетливо виден милый дом Фортенхолл, но здесь очень тихо, не слышно громяхания экипажей и людской молвы, кроме трех неумных гусей, пасущихся на лужке, близ ручейка.

Зимой все засыпано снегом, сковано морозом, но как приятно прогуляться в тишине, слушая лишь скрип деревьев и шуршание сухих опавших листьев. А весной, когда первые лучи теплого солнца пробуждают природу, открывать прелесть созерцания молоденьких пагонов растений, несмело пробивающихся сквозь прошлогоднюю осеннюю листву. Вдыхать свежий мягкий воздух, перемешанный с ароматом трав и ранних цветов. В летнюю жару – убежать сюда за прохладой, наслаждаться пением птиц и пейзажами настоящей красоты, дарованные

умелой распорядительницей этих богатств. Осенью – собирать дары природы и прощаться с ней на всю зиму. Год за годом, жизнь размеренно течет, то оживая, то снова впадая в дремоту.

Стоял ясный кроткий май, уже несколько дней солнце благодатно дарило земле свое лучезарное тепло. Пенелопа любила прогуливаться по парку в такие дни, а ее временное заточение терзало душу, которая рвалась в эти края. Синее небо, увешанное лишь несколькими белыми облаками, чуть слышный ветер, запутавшийся среди ветвей деревьев, край, потопающий в зелени – вот что жаждут видеть глаза, нежели однообразные стены и скучные лица.

Спешившись, барышня уселась возле старого дуба, сняла перчатки, шляпку, чтобы ее волосы приятно ласкал весенний ветерок. Сегодня она прихватила с собой несколько писем, полученных много лет назад, от ее бывшей и единственной подруги – Сюзанны Тоулс, с которой познакомилась, получая знания в пансионе. Да, читатель, Пенелопа успела поучиться в школе для девочек, но на третий год была отчислена из-за своего поведения.

Уехав домой, Пенелопа продолжала получать письма от Сюзанны. Какими забавными казались эти строки после стольких лет молчания, Пенелопа с грустью вспоминала их забавную переписку, где подруга оповещала очень интересные происшествия и проводила проповеди о прилежном воспитании, а Пенни – высмеивала всех и отговаривалась, что ей и дома неплохо живется. Старенькие пожелтевшие письма, написанные ровным, красивым почерком на лощеной бумаге, лежали в кармане. Она достала их, развязала розовую ленточку и принялась за чтение:

“Минс-скулл, близ Какстона,
Кембриджшир,
20 ноября

Дорогая Пенелопа Эсмондхэйл.

Пишу тебе, чтобы сообщить, что после твоего отъезда из школы наш учитель истории вскоре тоже покинул нас, объясняя это тем, что его нервы изрядно подорваны твоими проделками. И через две недели появился новый преподаватель: совсем молодой, в прошлом году окончивший Кембридж. Он выглядит, как Аполлон и держится с нами очень учтиво. Многие девочки каждый вечер перешептываются о нем... Но, это не повод тебе гордиться собой, ведь ты вела себя просто отвратительно в обращении со старым мистером Тетчёром. Прекрасно знаешь, какое это грехопадение для души, но я желаю, чтобы домашние учителя приучили тебя к духовности, и следить за своим поведением.

Сюзанна Тоулс.”

“... Что ж, я подарила вам Аполлона и нисколько не жалею о том, что больше не удостоена сидеть с вами за одной партой. Дома мне живется лучше, меня принялась учить бесчувственная мисс Ардаэул, но я думаю, она недолго будет такой. Передавай нашей директрисе пламенный привет от моего имени и скажи, что я поживаю хорошо...”, – ответила Пенни на это письмо, и с тех пор нечасто, но регулярно получала подобные вести.

Девушка с удовольствием начала просматривать еще несколько писем написанных Сюзанной из школы, потом взяла более длинное, присланное ею уже из дому.

“Тоулс-парк, около Корби,
Нортгемптоншир,
01 июня

Уважаемая мисс Эсмондхэйл!

Пишу тебе, чтобы поведать, что пять дней назад я покинула Минс-скулл и приехала в родной дом, родители решили, что я достаточно знаю, пробыв в школе десять лет. Завтра мне исполнится восемнадцать и теперь мне нужно подыскивать подходящего мужа. Хочу поделиться с тобой моими успехами: я прекрасно играю на рояле, хотя думаю, что приобретенному умению еще недостает некоторой беглости и, по временам, уверенности. Но, по моему требованию, в скором времени родители наймут учителя музыки и пения, я постараюсь достичь больших успехов. Хотелось бы узнать о твоих достижениях, ты никогда не писала мне, чему научили тебя гувернантки, то и дело высмеивала их, но не хвасталась достижениями. А это очень плохо, так никогда не достигнешь определенных высот, если вместо учебы будешь думать, как напакостить своим учителям. Барбара Миллс – розовощекая пышка, которую ты дразнила, недавно удачно вышла замуж за младшего сына богатого джентльмена, оказалось, что ее семья принадлежит к старинному уважаемому роду, а за ней причитается хорошее приданное. Теперь тебе должно быть совестно, что так отзывалась о “пышке Барбаре”. Ах, а белокурая Лиза Грондефэкс, возмнившая, что знает французский язык лучше, нежели мадам Фьер и полюбившая поправлять произношение нашей учительницы (как же бедная французенка бесилась, а мы от всего сердца хохотали, ты должна ее помнить, ты ведь придумала ей прозвище – “парижанка Лизетт”), она действительно уехала во Францию и пожелала преподавать в небольшом, закрытом пансионе французский и английский языки, дабы учить детей правильному произношению. О, представляю себе, как ты хохочешь сейчас над нашей Элизой. Директриса овдовела и пожертвовала школе большую часть своего наследства, оставленного ей мужем, даже перебралась жить в одну из верхних комнат на третьем этаже. А твоя Джулия, скажу, делает блестящие успехи, ею гордятся практически все учителя. Я знаю, вы не очень ладите, но порадуйся за сестру. Ее пассажи на рояле просто восхитительны, я боюсь, что мое мастерство куда хуже и мне придется еще много учиться, а как она поет! Словом, твоя сестра – превосходная музыкантша. Мой младший брат захотел стать морским офицером, а старший вот-вот введет в дом молодую жену. Она девушка образованная, но какая-то глупая, мы с маменькой не очень одобряем его выбор, но он упорно настаивает, что сия мисс – любовь его жизни. Надеюсь, ты меня порадуешь интересными свежими новостями.

Сюзанна Тоулс. ”

За этим письмом последовали несколько совсем маленьких записок, где подруга поведала Пенелопе о своих успехах, сообщила о новом учителе и о превосходстве кабинетного рояля, подаренного ей родителями. Более интересное письмо о семье, полученное Пенелопой через три месяца после приезда Сюзанны домой, содержало следующее:

“Тоулс-парк, около Корби,
Нортгемптоншир,
17 сентября

Уважаемая Пенелопа,
хочу рассказать тебе о своей невестке – Люси Тоулс. Она обладает таким тяжелым характером, что даже тебе до нее далеко. Впервые, когда новоиспеченная жена брата приехала в этот дом, мы все оказались под действием ее леденящего взгляда. Она – глупая и высокомерная, я нечасто виделась с ней до свадьбы, потому совершенно не знала какой это человек. Превосходно образована, но смотрит на всех сверху вниз и говорит, что у меня бог весть, какие таланты. С маменькой Люси не в ладах, я совершенно не понимаю, что такого нашел в ней Роберт. Вчера потребовала от него, чтобы они перебрались в Лондон, ибо в этом доме ее недолюбливают. И это, представляешь, заявила после того, как маменька сделала небольшое заме-

чание из-за ее пренебрежения обедать в кругу семьи! Какая она несносная, я даже рада, что теперь буду избавлена от такого общества и постоянных намеков на мои способности.

Но, есть и приятные стороны в моей жизни. Я, возможно, рассказывала, что поместье около нас долгое время оставалось нежилым. Мы боялись прогуливаться в тех местах, играть возле него, так как там водились привидения. Старый хозяин давно умер, а его сын женился и переехал во Францию со своей женой. Так вот, месяц назад они вернулись и теперь приводят дом в порядок. Вчера мы впервые посетили их, это оказались очень хорошие, достойные люди. У миссис Льюис есть младший брат, он хорошо разбирается в музыке и скоро приедет погостить к сестре. Очень хочу исполнить перед ним несколько несложных шотландских песен и узнать, как выросло мое мастерство, ведь родители только хвалят, но никто не может точно сказать, какая из меня исполнительница. О, я так усердно занимаюсь музыкой, мой учитель говорит, что таких упорных учениц у него еще отроду не было.

С уважением,
Сюзанна Тоулс .”

Следующее письмо и, пожалуй, последнее, Пенелопа получила спустя пять месяцев, где подруга сообщила о большой перемене в своей жизни:

“Тоулс-парк, около Корби,
Нортгемптоншир,
05 марта

Дорогая Пенелопа,

Хочу с тобой поделиться хорошими новостями о моей жизни. Свершилась мечта детства – я выхожу замуж на следующей неделе. Мой жених распрекрасный Джеймс Джонсон – брат миссис Льюис, оказался не только хорошим знатоком музыки, но и настоящим джентльменом. Он по достоинству оценил мои способности, расхваливал учителя, отчего старик Гордон Энтли раскраснелся, а еще пригласил нас с маменькой и отцом навестить его, как он выразился, скромное поместье. Это была самая великолепная поездка в жизни, мистер Джонсон оказался очень добр ко мне, каждый вечер я исполняла перед ним сонаты Моцарта и Бетховена, и он получал от этого истинное удовольствие. Пела соло и дуэтом, так проходили те чудесные музыкальные вечера. И оказалось, что он питает ко мне нежные чувства, я от него в восхищении, и через четыре месяца нашего знакомства, сделал мне предложение и теперь твоя подруга выходит замуж. О, я так счастлива, порадуйся за меня. Миссис Льюис говорит, что для нее честь отныне называть меня сестрой, мы с ней часто встречаемся, даже помогала мне и матушке выбирать материю и хорошую швею, которая пошила самое лучшее подвенечное платье, подарила красивые серьги с просьбой, чтобы я одела их ко дню свадьбы. Хотела было пригласить и тебя, но матушка воспротивилась, объяснив тем, что ты очень некрасиво вела себя в школе и можешь учудить такие же проделки на свадьбе, и запятнать репутацию нашей семьи. Но, надеюсь, что смогу пригласить тебя в свой новый дом, познакомить с мужем и миссис Льюис. Исполнить красивую мелодию и даже спеть нашу школьную рождественскую песенку, надеюсь, ты не забыла?

Твоя счастливая подруга,
Сюзанна Тоулс, будущая миссис Джонсон.”

Пенелопа написала ей самое горячее поздравление, на которое только была способна. Она выразила мнение, что мистер Джонсон – некий принц на белом скакуне и он достоин своей невесты. Потом сообщила, что очень радуется счастью подруги и с охотой поедет погостить

у нее денек-другой и даже немедленно начнет разучивать старую песенку, чтобы не ударить лицом в грязь перед гостями.

К сожалению, больше никаких вестей от подруги к ней не приходило. Поначалу, барышня думала, что семейная жизнь отнимает много времени: медовый месяц, поездки, новые знакомые, новая жизнь. А через два года поняла, что приятельница попросту забыла о ней и даже не сочла нужным написать о теперешней жизни. Такое разочарование сделало Пенелопу яркой противницей всяких браков, и она решила, что не выйдет замуж. Но это была не единственная причина такого серьезного умозаключения, произошло еще два происшествия связанные с нашей героиней. Два раза ей делали предложение руки и сердца: первым несостоявшимся женихом стал кузен Мориссон – розовощекий толстяк, низенького роста с противным гнусавым голосом и скрытым характером. Его барышня знала с детства, родственник никогда ей не нравился, своей неуклюжестью лишь вызывал смех, а недалеким умом – презрение. Однажды он, пыхтя возле нее, встал на колени и признался в любви, выразив желание жениться на ней, Пенелопа чуть не расхохоталась ему в лицо, нечеловеческими усилиями сдержалась и попросила время подумать. Но вечером, перед матерью, открыто насмеялась над ним, мадам целый вечер отчитывала свою нерадивую дочь, умоляя, чтоб та приняла предложение или облачила отказ в учтивую форму. На следующее утро Пенелопа, с невинным личиком и ангельским голоском, объяснила Мориссону, что питает к нему сестринскую любовь и поэтому не может принять такое предложение. Как ни странно, но он не обиделся, а еще Пенни целый час напевала ему, что его жена должна быть титулованной леди, именно такую жену кузен и заслуживает. От таких слов, лопухий женишок-неудачник зарделся и от чистого сердца поблагодарил свою родственницу. Со вторым она не церемонилась, этот горе-претендент к ней не питал никаких чувств, кроме наживи. Хотел жениться ради приданного, чтобы с помощью спекуляций поправить пошатнувшиеся дела семьи. Пенелопа без зазрения совести отказала ему, за это женишок на нее обиделся, а его мать, злая на язык сплетница, очернила девушку на всю округу. Конечно, никто не мог очернить репутацию Дианы Эсмондхэйл, но ее дочь стала отныне нерадивым дитем.

Когда девушка подняла глаза, то поняла, что уже около четырех-пяти часов и нужно возвращаться домой. Ведь надобно успеть к чаю, жаль, что ей не запрещено, находится в столовой, целый вечер слушать рассказы Джулии о предстоящем бале, который устраивают их близкие знакомые Тренды; замечания матушки по поводу миссис Тренд и ее трех дочерей, обсуждения их платьев и головных уборов. А также, нелепое высмеивание Джулии прически средней Софии. Да, эту каторгу Пенелопа должна выносить каждый вечер, чтобы спокойно кататься на лошадке и предаваться мечтаньям на лоне природы. День был солнечным, но неожиданно подул сильный ветер и нагнал тучи. Стало как-то по-зимнему прохладно, Пенни уже отвязала Капелану и вот-вот хотела сесть в седло, как вдруг это пронизывающее чувство, что за ней кто-то наблюдает. Она повернулась по сторонам, но никого не заметила. Птицы сорвались со своих мест и разлетелись. Жутко стало на душе у девушки, захотелось поскорее убраться из этого места. Капелана очень разволновалась и не на шутку помчала прочь к дому. Барышню преследовало чувство необъяснимого страха, ей казалось, что кто-то выскочит из-за деревьев и погонится за ней. Но ничего не обычного не случилось, лишь порывистый ветер завывал в ушах. И только неподалеку того места, где Пенелопа провела весь день, предаваясь размышлениям и читая письма, кусты как-то предательски зашевелились и чьи-то зоркие глаза проводили нашу героиню, пока она не скрылась из виду.

ГЛАВА III. Гости прошлого.

Пенелопа вошла в холл и направилась в небольшую столовую, где уже был приготовлен изысканный обед. Она прибыла туда одновременно с сестрой и даже немного огорчи-

лась, что оказалась вовремя. Джулия грациозно уселась на стуле, учтиво предоставленном для нее лакеем, тщательно расправила пышные складки своего платья, она так изящно и немного пренебрежительно взяла в руки ложечку и с самодовольной ухмылкой начала нахваливаться маменьке:

– Ах, через несколько дней бал, сколько же сил я приложила для приготовления к этому событию. Я раздавала самые, казалось бы, простейшие указания, которые хорошая прислуга должна знать наизусть. Старушка Нола уже не справляется со своей работой, пора ее уволить, – хотя уже с месяц она была избавлена от старухи-горничной, но периодически с раздражением вспоминала свое прежнее недовольство ею.

– Мое дитя, я согласна с твоими разумными речами, и совершенно недавно поделилась этими мыслями с твоим отцом, в ответ я получила довольно резкий выпад и полнейший отказ увольнять Нолу, пока она сама не пожелает уйти на покой.

– В таком случае, мне придется терпеть ее до смерти.

Пенелопа расхохоталась, на что у Джулии удивленно приподнялись брови:

“Почему ты смеешься?” – про себя задавала вопрос девушка, но не решилась произнести это вслух.

– Пенелопа!?! – удивилась мать. – Что это за поведение?

– Нет, матушка, я дала себе зарок сидеть тихо, но последние слова моей сестры возмутительно рассмешили меня, – оправдалась Пенелопа, оттирая слезы, потом добавила: – я-то считала, что Джулия переживет Нолу.

– Конечно, переживу, – возмутилась Джулия, – я о ее смерти говорила.

– А мне показалось, будто о своей, – хихикнула Пенни, подтрунивая над сестрой. Она принялась медленно намазывать жирный паштет на ломтик белого хлеба и лукаво посматривала на сестру, но та только скривилась и отвернулась.

– Ах, знаешь доченька! – вмешалась миссис Эсмондхэйл, решив переменить тему. – К Трендам приедут Мэлоны – очень богатая семья, родом из Бедфорда.

– Мэлоны? – удивилась Джулия – Никогда о таких не слышала.

– О, миссис Тренд как-то раз проговорила, что у Мэлонов денег куры не клюют. Мистер Джордж был очень скупой и прижимистый человек, они никогда не держали в доме больше, чем двух горничных и одного лакея, кухарку и прачку. Конюх исполнял роль кучера и даже самостоятельно чинил экипажи. Никогда у них не было балов и званых ужинов. Их дети учились дома, причем учила их – сама миссис. Старик был так скуп, что не пожелал выделить дочери приданое, дабы та могла спокойно выйти замуж. А когда его не стало, все вздохнули с облегчением. Его сын, слава Богу, удался в мать и то огромное богатство, что он унаследовал, спокойно разделил на несколько частей. Но, даже третья часть – это весьма солидное состояние. Он нанял больше слуг, правда из тех, которые служили еще при жизни старика, никого не уволил.

– А он родовит? – спросила Джулия.

– Нет, к сожалению, этим они похвастаться не могут. Его дед был коммерсантом, но весьма удачливым в делах. Он накопил неплохое состояние примерно в тридцать тысяч. А его сын преуспел куда больше, но какой ценой!

– Фи, значит они нам не ровня, – заявила Джулия.

– Да, но миссис Тренд и миссис Мэлон тесно общаются. А ты знаешь эту Генриетту Тренд – она дама со светскими предпочтениями, и не будет звать к себе в дом, кого попало. Правда ее последний наряд, в котором она появилась у Вилсонов, был просто безвкусным...

“О, начинается...” – подумала про себя Пенелопа, уже продумывая пути к отступлению, то есть, поскорее сбежать от этой нудной беседы.

– А прическа Софии? – воскликнула Джулия. – Я бы себя устыдилась, появившись я в таком виде перед такими людьми.

Пенелопа закатила глаза и покачала головой, эта угроза обещала затянуться надолго.

– Ах, знаешь! – вспомнила миссис Эсмондхэйл. – Генриетта упоминала о еще одной семье, приглашенной на бал.

– Тоже из коммерсантов? – нахмурила брови Джулия.

– Нет, это настоящая дворянская семья, но не слишком богатая.

– Значит они обедневшие? – расстроилась дочь.

– Ну, не такие уж... их состояние приблизительно, как у Пойтсов.

– Пойтсы – не намного беднее нас, – вставила словечко Пенелопа, – так что, те господа из нашего окружения.

Миссис Эсмондхэйл и Джулия поглядели на свою нерадивую овечку, но ничего не возразили.

После обеда они спокойно удалились наверх еще раз тщательно изучить свои наряды и посоветоваться на счет их улучшения. Пенелопа осталась внизу, рассматривая через окно затянувшее тучами свинцовое небо. Моросящий дождь хлестал всю ночь, а девушка лежала и раздумывала о том страхе, который испытала, уезжая из своего излюбленного места. Потом отбросила эту мысль, но поведение птиц и Капеланы все еще настораживало ее.

Утро наступило очень сырое и довольно прохладное. Но, это совершенно не мешало Пенни для ее прогулки. Сегодня она проедет окрестностями и внимательно все изучит. Возможно происшествие – лишь игра ее воображения. Может кто-то из охотников, но сейчас, же не сезон охоты, тем более она не слышала выстрелов. Ломая голову над этими вопросами, Пенелопа проехала по окрестностям и даже побывала в примыкающей деревушке. Там она заскочила в булочную, где обычно толпилось много народу, но ничего интересного для себя не услышала, а ведь если что-то и случилось необычное, то местные сплетницы, бывало, через несколько часов уже обсуждали разные версии.

Прогуливаясь пешком, держа Капелану за поводья, она спокойно изучала местность. Бывала она здесь несколько раз в детстве, и теперь силилась припомнить обстановку и оценить новшества. Как вдруг услышала, что ее кто-то окликнул. Пенелопа повернулась и увидела женщину, которая ускорив шаг, направлялась к ней.

– Ах, барышня Эсмондхэйл! – воскликнула женщина и остановилась, чтобы отдышаться.

Пенелопа внимательно рассмотрела ее: на вид ей было около сорока-сорока пяти лет, среднего роста, хорошего телосложения, немного полновата, но это не бросалось так сильно в глаза. Темно-каштановые волосы, сплетенные в толстую косу, выглядывали из-под шляпки. Платье простого покроя, но очень опрятное и чистое. Черные глаза блестели от быстрой ходьбы, но добродушно улыбались. “Гусиные лапки” вокруг глаз немного проступали, а также мелкие морщинки около губ на схваченном загаром лице. Она улыбалась и очень радовалась встрече с Пенелопой.

– Барышня Эсмондхэйл, неуж-то, вы меня не опознали? – спросила она, пытливо разглядывая Пенелопу. – Вы так изменились, вы настоящая красавица, скажу я вам.

Голос уж больно был знаком, и Пенелопа, прищурившись, начала внимательно оглядывать женщину и искать ее образ в своей памяти. Потом после пяти минут усиленных раздумывания воскликнула:

– Ребекка Грин!

Женщина захлопала в ладоши от радости и покачала головой:

– Ах, барышня, а я боялась, что не узнаете. Да, я – Ребекка, в девичестве Грин, сейчас же миссис Ливерс.

Дело в том, что это няня Пен и Джули, которая тринадцать лет проработала в их доме и нянчилась с детишками. В отличие от всех гувернанток и учительниц, няню свою мисс Эсмондхэйл очень любила. Это единственный человек, который терпеливо мог сносить все проказы горячки Пенни и капризы Джулии. Никогда она не злилась, не жаловалась, всегда с улыбкой в

хорошем настроении, мило щебеча по утрам: “Доброе утро, барышни. Солнышко взошло, пора и вам открывать свои глазки”. Одевая их, рассказывала “свежо испеченные” басни и сказки, или просто мурлыкала песенки под нос. Днем прогуляется, почитает, сыграет с Пенни партию в волан и в прятки. Джулию усадит в укромное место, защищенное от ветра, развлекает ее пением, то передразниванием птичьих голосов, то смешными небылицами.

А когда Джулия поступила в школу, Ребекка распрощалась с обитателями дома и спустя месяц вышла замуж за достойного фермера и осталась жить в ближней деревушке.

– ... Только вот все хотела с вами свидеться, когда вы со школы вернулись, но сами понимаете семья, хозяйство, дом, да и вашей матушки побаивалась, а вы барышня – не выездные были. Вот, а как вас по ту сторону дороги увидела, то сразу признала. Думаю, подойду, поздороваюсь, а то коли еще свидимся.

Пенелопа улыбнулась и прозаически ответила:

– Да, Ребекка – ты единственный человек, наверное, во всем мире, кто сумел меня выдержать, да еще и полюбить.

– Ах, мисс Эсмондхэйл, вы хоть и взбалмошная и немного гордячка, но вы – хорошая девушка, просто нрав у вас такой. Ох, не знаю, захотите ли ступить под мой кров, но так хочется вас с детишками познакомиться, я ведь о вас много рассказывала.

– Ну, я не такая уж гордячка, а моей и без того плохой репутации, побывать у вас в гостях отнюдь не повредит.

Это был уютный деревенский домик, очень чистый и ухоженный. Заботливая хозяйка разбила перед крыльцом небольшой палисадник и выращивала красивые цветы. Когда они вошли, маленькая девочка лет шести, как раз протирала пыль, а через открытую дверь в кухню было видно, что девятилетняя дочка усердно моет тарелку.

– Это мои дочери: Агнесс и Мэри, – представила она малышей. – Так крошки, подойдите и поздоровайтесь с мисс Эсмондхэйл.

Девочки боязливо подошли к нарядной даме и поклонились, а также, в один голос учтиво поздоровались.

Энергичная Ребекка тут же пригласила Пенелопу присесть, а сама принялась готовить кофе, резать булки, чтобы как следует их поджарить до приятно-золотистой корочки, расставлять красивые чашки и блюда. Маленькие девочки усердно помогли ей: старшая Агнесс достала варенье и выложила его в конфетницу, в ее маленькой головке – это была высшая степень правильной сервировки стола, младшая мигом нарвала цветов, поставила их в вазу, и быстро умывшись и приведя себя в порядок, уже стояла подле дамы. Тем временем Ребекка намазывала сладкий хлеб маслом и разливала кофе. Так Пенелопа просидела часок-другой за приятной беседой о себе и своих родных, и, расспрашивая, как живет миссис Ливерс.

Напоследок Ребекка сказала:

– Знаете, барышня Эсмондхэйл, тут у нас в деревню недавно один джентльмен наведывался, о вашей семье справки наводил. Мол, кто такие, как живут, как дочерей звать. Он такой милый был, общительный, сказал, что давно хочет с мистером Эсмондхэйлом познакомиться, вот и выясняет все. А мой-то Джейсон на радостях возьми и выложи, что я у вас тринадцать лет работала няней. Я ведь мужу о вас с Джулией с самого знакомства рассказывала, но ничего плохого, вы хоть и озорные, но хорошими девочками росли.

Особенно он вами, мисс, интересовался – привычками вашими, характером. Но я ему ничего такого не сказала, он отклонялся, извинился, поболтал с моим мужем по делам всяким, да и уехал.

– Хм, – про себя буркнула Пенелопа, – теперь понятно, что за чувство меня преследовало. Она учтиво попрощалась с семьей Ливерсов и помчалась домой.

ГЛАВА IV. То, что не писано пером.

Бал в Моулде – очень яркое событие, подчас много обсуждаемое: все богатые и знатные семьи в округе получили приглашения. Миссис Тренд несколько недель усиленно готовилась, дабы блеснуть на высоте в глазах светских господ. Были приглашены лучшие повара, на время увеличен штат прислуги, приобретен новый экипаж и привезена арфа. Сплетники шептались, что миссис Тренд изрядно потратилась и что у них пошатнулись дела. К миссис Эсмондхэйл – ближайшей приятельнице – доходили очень разные слухи, иногда даже очень противоречивые и она не могла точно определить, что на самом деле творится у соседки. Одно она знала точно – мистер Тренд решил не вмешиваться в подготовку к балу, поскольку к его рационализму все равно мало прислушивались. И, чтобы он не советовал, его суетливая жена все время твердила:

– Экономить нельзя, что обо мне подумают в округе?

Усадьба Моулд – очень красивое здание, построенное в прекрасном месте. По непроверенным слухам, фундаментом ему служат руины старого замка, разрушенного еще в XIII ст. Легенда гласит: старый замок, строительство которого началось при правлении римлян на острове и закончилось при завоевании этих земель англосаксами, служил резиденцией саксонских королей, а потом перешел к нормандской знати. У римлян готовые подземелья использовались, как надежная тюрьма, где держали смертников и особо опасных преступников. Саксонцы нашли ему более благородное применение – подземелья отныне служили погребями, а в случае нападения еще и защитными убежищем. Во времена походов Альфреда Великого против датчан и судьбоносного сражения при Гастингсе – сокровищницей. Один богатый наследник, из благородного саксонского рода, спрятал в тайных подвалах этого строения свое золото, дабы они не достались врагу. Норманнам не удалось отыскать заветные богатства, поскольку потайная дверь была очень хитроумно замаскирована. А во времена кровавых междоусобных стычек замок сожгли. Спустя три столетия, эту местность приобрел некий титулованный господин, состоящий при дворе короля, и построил здесь дом, то ли чтобы приезжать сюда на сезон охоты, то ли для своей любовницы и их незаконнорожденных детей – правдивость сего факта история умалчивает. Потом усадьба переходила в руки многим хозяевам, а шестьдесят лет назад ее купил отец ныне здравствующего мистера Тренда. Для обновления и улучшения, здание подверглось некоторым переделкам. Отец решил выстроить красивый фасад и произвел полную замену застекления дома, а сын в свою очередь позаботился о полной переделке внутри. Такие новшества добавили зданию величественности, но прогнали дух старины.

Но неумная миссис Тренд в погоне за модой, была полна новых идей о дальнейшей перестройке. Благоразумный муж решил повременить и несколько умерить порыв энергичной жены, ссылаясь на то, что дела их очень шатки и выбрасывание на ветер огромной суммы, может привести их к полному разорению. Поскольку Генриетта Тренд оказалась лишена возможности воплотить свои грандиозные планы в жизнь, она возмещала это, к примеру, тщательной и неэкономной подготовкой к светскому балу.

К сожалению, кроме таких устных и может даже неправдивых пересказов, других историй у этого здания не существовало. Привидения здесь не водились, во всяком случае, за шестьдесят лет владения этим поместьем, члены семьи никогда не слышали странных шагов, голосов, не наблюдали парящих в воздухе полупрозрачных силуэтов. И все же, здание располагалось очень удачно: здоровая местность, открытые равнины Уайт-Горсетской долины, разорванные небольшими насаждениями дубов, буков и ясеней, несколько небольших холмов известкового происхождения, возвышающихся на горизонте. Во все времена это был самый прелестный уголок Англии, не столь отдаленный от Лондона, но обитающий по правилам тихой, «сельской» жизни.

Пенелопа нечасто посещала Трендов, поскольку скучные беседы с матушкой о всяких пустячных событиях утомляли тех, кто не мог усмотреть их важности. Вот поэтому, благоразумный глава семейства никогда не выпускал из рук свежую газету или интересную книгу.

Пенелопа же любила под всяким предлогом сбежать из гостиной и пройтись коридорами здания для ознакомления, и просто полюбоваться красотой Моулда. Младшая мисс Тренд – Эллин, иногда сопровождала ее, и как умелый гид, пыталась продемонстрировать самые красивые и интересные места. Пенелопа была благодарна ей за такое внимание, и хотя девочке едва минуло шестнадцать, она все же казалась намного умнее и тактичнее своих старших сестер и привлекала своим обаянием и ученостью. Но было в ней немного тщеславия, и всякая похвала увеличивала эту черту, потому Пенелопа чаще молчаливо выслушивала ее истории и рассказы, и без лишних лестных слов, благодарила свою компаньонку. Более тесное общение раскрыло бы и еще некоторые менее приятные черты характера, так что наша героиня придерживалась должного расстояния. С Самантой и Софией ей вообще не о чем говорить – толк в платьях, безделушках и украшениях она не знала. Джулия терпеть не могла Софию, поскольку та превосходно пела, и ее чаще других просили продемонстрировать свои необыкновенные вокальные способности. Их разговор напоминал скрытый поединок двух львиц, при этом они все время говорили ровно и красиво, но затаенный смысл, крившийся в этих речах, пугал наблюдательного слушателя.

Саманта и София частенько ехидно перешептывались, дабы бросить очередную колкую фразу, замаскированную под вежливость, восхищение и лестные слова. Джулия, к сожалению, оказывалась одинока в своей борьбе, но она достойно держалась, вовсе не выдавая своего волнения или злости. Но, только широко открытые глаза и поджатые губки, слегка приоткрывали пелену обманчивого спокойствия. Когда же две мисс Тренд обращали свое внимание на Пенелопу, та морщилась, строила умильно глазки и улыбалась явно не радушной улыбкой. Но это случалось очень редко, поскольку старшая мисс Эсмондхэйл их практически не интересовала из-за своей незначимости в глазах собственной сестры. Миссис Тренд и миссис Эсмондхэйл делали вид, что не замечают или же закрывали глаза на происходящее, лишь оставшись наедине со своими дочерьми, они горячо обсуждали недостатки соперниц, но собравшись вместе – премило беседовали о светских новостях.

И порвать такое знакомство никому не сулило выгоды, поскольку Тренды были богаче, а миссис Эсмондхэйл имела хорошие связи, и в некоторых случаях эти обстоятельства могли прийти на помощь. Джулии приходилось каждый раз терпеть такое соседство, но она мечтала, что в будущем, выйдя замуж за достойного и богатого господина, сможет безболезненно распрощаться с ненавистными ей приятелями. А теперешнее ее положение она считала неким мученическим венцом, который нужно перетерпеть, дабы потом обрести райское счастье. И все же, сия мадмуазель, сияла ярче и целесообразней, нежели пустословки мисс Тренд. Она играла превосходно, умиляя слушателя, а уж как танцевала, никто в округе не мог сравниться с ней, с такой грациозностью и легкостью она порхала вокруг партнера, что ее постоянно ангажировали, не оставляя ни минутки, чтобы передохнуть. Одно плохо, не находилось среди них достойного, который отвечал бы ее требованиям, а иначе она давно бы уже была замужем. Опыт, накопившийся за время пребывания в гостях у знатных господ в Лондоне, она успешно применяла и среди своих близких соседей. Могла достойно вести светские беседы, парировать теми доводами, которые предопределяли ее выигрыш в споре, уместно вставляла словечки и замечания, хотя ее ученость не действовала на ее сестру, которая постоянно высмеивала это. И не проходило такого вечера, такого собрания, где Джулия не блеснула бы, и где о ней не говорили: кто с восхищением, а кто с завистью. Жаль, что такая девушка немного недооценивала окружающих, у нее много положительных черт, и все же она казалась недоступной, как звезда, ярко светившая на небесах. У нее было много поклонников, тайно посылавших ей цветы и записки. Поначалу мать беспокоилась, когда им присылали очередной букетик, но потом успокоилась, ей даже стало доставлять удовольствие созерцания такого зрелища. И хоть велись оживленные пересуды, она умела достойно представить эту ситуацию в лучшем свете.

Но теперь вернемся к Трендам. Как уже говорилось раньше, Генриетта из кожи вон лезла, лишь бы блеснуть перед соседями и гостями. Она очень долго и тщательно готовилась к балу. Но, не менее усердно она выбирала кандидатуры гостей, которые должны пожаловать к ней. Пригласив почти всю округу, она намеревалась разбавить знакомые лица новыми персонами. Для этого она избрала Мэлонов, с которыми ей довелось иметь дела и поддерживать общение. То был осознанный ход, поскольку холостой сын, владеющий огромным богатством, претендовал на звание завидного жениха, за которого она не прочь бы выдать любую из своих дочерей.

Потом выбор пал на Гембрилов (едва брошенное словцо обратилось в увлекательное обсуждение) – семья, доходы которой Джулия и ее мать приравнивали к доходам Пойтсов. Они не были столь богаты, зато у них были родственники и знакомые, с которыми дальновидная Генриетта хотела завести тесное знакомство и войти в высшее общество, так же как и миссис Эсмондхэйл. Она пригласила еще парочку нездешних семейств, да и одного господина – лучшего друга семьи Гембрилов, с которым столкнулась как-то раз, будучи у них в гостях.

Тем более, пожилой и больной мистер Гембрил также имел холостого сына, которого она тоже не прочь видеть своим зятем. Она долго ликовала, представляя картину: какие же глаза будут у ее светской подруги, когда ее собственные дочери окажутся замужними дамами. Она даже не стала слушать умного совета своего мужа, который предостерегал ее не сильно надеяться на молодых людей, и не забивать заранее этим головы молоденьким барышням. Но, она-то точно знала, что все сложится прекрасно и ее крошки станут самыми успешными леди.

И когда в последний день перед предстоящим торжеством, она оглянулась на проделанную работу, то почувствовала легкое волнение и возбуждение. Таких великих событий в ее жизни происходило не очень много, и каждое отдельное запоминалось хорошо. Комнаты для приезжих гостей вычищены, обставлены удобно и со вкусом, чтобы они не чувствовали ни в чем нужды и оставили самое приятное впечатление об этом доме. Кокетки София и Саманта судорожно смеялись, предвкушая завтрашние развлечения. София выучила несколько новых песен, которые завтра исполнит перед публикой без унижительной помощи мисс Джулии, Саманта же всю неделю брала уроки танцев, чтобы молодые джентльмены чаще приглашали ее танцевать. А еще, чтобы изрядно насолить сестрам Эсмондхэйл и показать Джулии, что она не такая уж и королева бала.

– И, не забывайте девочки, – твердила миссис Тренд, – молодые холостяки должны быть очарованы вами, ведь от этого зависит ваше будущее.

– Ох! – воскликнула Саманта. – Надеюсь Джон Мэлон и Ричард Гембрил – настоящие красавцы.

– А если не они, то уж точно их набитые кошельки! – воскликнула София и они весело захихикали.

Миссис Тренд покачав головой, спокойно продолжила чаепитие.

ГЛАВА V. Бал начинается.

Множество экипажей останавливалось на вымощенной террасе, гости в радостном настроении легкой походкой направлялись в дом. Их встречал дворецкий и несколько вышколенных лакеев в старомодных париках и праздничных ливреях (прихоть Генриетты), сопровождая в зал, где радушно приветствовали уже мистер Тренд и его жена. Каким же пестрым казался контраст: женщины в причудливых вечерних платьях самых модных столичных фасонов из дорогих тканей, сшитые вероятно для прошедшего лондонского сезона и мужчины в темных фраках, оттеняющих одежду своих спутниц. Развлечений в это время года явно не доставало, поэтому к чести хозяевам устраивать подобные маленькие праздники, чтобы изнывающие от скуки в своих особняках аристократы могли развеяться.

Оказавшись в бальном зале, все сразу же объединялись в группы и кружки, одновременно шутили и обсуждали интересующие их темы. Мужчины чаще всего спорили о политике и охоте, женщины о моде, последних новостях и сплетнях. Некоторые с благоговейным трепетом отзывались о молодой королеве, которая теперь являлась образцом новой морали, решив вычеркнуть из умов англичан распутства прежних монархов. Молодые девушки, лишь только вышедшие в свет, бросали многозначительные взгляды на кавалеров, одаривали богатством своих усмешек, а достопочтенные матроны и свахи тут же обсуждали достоинства предполагаемого жениха.

Звучала замечательная музыка. В большом зале, предназначенном для танцев, было ослепительно светло и немного душно. Молодежь стремилась именно в эту часть здания, а старшие и пожилые в соседнюю комнату, чтобы мило побеседовать, обсудить молодое поколение за чашечкой горячего чая или кофе с горячими булками и привезенными лакомствами и, конечно же, сыграть в твист. В то время, в моду входило приглашать на такие праздные мероприятия различных предсказателей судьбы, французских фокусников, а некоторые особо безропотные хозяева даже обычных цыганок-гадалок, но мистер Тренд запретил даже задумываться своей женушке о подобных развлечениях, ссылаясь на то, что это может послужить не к чести Моулда и отразится на судьбе трех еще незамужних дочерей.

Миссис Эсмондхэйл помахивая своим роскошным веером и улыбаясь всем своим знакомым, украдкой разглядывала достойные кандидатуры для Джулии, она, как и Генриетта Тренд, не упустит шанса подобрать удачного жениха. Тем более ее интересовали нездешние гости, о которых она наслышана и жаждала быть им представленной. Она знала, что они приехали незадолго до бала и успели расположиться в Моулде. Но, даже уже познакомившись друг с другом, не решались очень рано спуститься в зал, ибо не были еще представлены всем остальным. А не в духе воспитанных людей мешать хорошим хозяевам одаривать вниманием и подбаююще поприветствовать друзей, соседей и знакомым. Поэтому только незадолго до открытия танцев новые гости покинули свои комнаты.

Когда робкая миссис Мэлон и ее дочь появились в гостиной, Генриетта как раз мило беседовала с Дианой. Она сразу же горделиво выпрямилась, расплылась в улыбке и грациозно направилась в сторону своей недавней знакомой.

– Дамы и господа, – гордо произнесла она, охватывая своим взглядом всех близстоящих гостей, – хочу представить вам мою близкую подругу – миссис Марию Мэлон и ее дочь – мисс Эдит. Имею ли я честь видеть вашего сына? – молвила она, повернувшись к Марии.

– О, да... – дрожащим голосом молвила миссис Мэлон, вероятно сильно смущаясь, что множество взглядов оценивающе рассматривают ее.

Джон немного задержался, вероятно, увлекся изучением документов на покупку зарубежных товаров, которые услужливый Тренд преподнес за обедом, желая узнать мнение опытного дельца, теперь же он появился и мать, указывая на него взглядом, сама представила сына собравшемуся обществу. Много волнения за это время перенесла робкая женщина, так как в своей жизни не видывала еще одновременно столько знати, пусть даже нетитулованной и деревенской. Сестра Джона просто стояла, молчала и вся тряслась от неопишуемого ужаса – быть представленной такому количеству богатых и знатных господ и она боялась, что ее манеры далеки от общепринятых, и если она сделает промах, то ее тут же наградят насмешками и презрительными взглядами. На вид ей было около тридцати, маленького роста, немного полновата, с заурядной внешностью. На фоне остальных девушек, она казалась пастушкой, даже ее простенькое платье слегка напоминало одежду деревенских девушек. Когда ее представили, она присела в книксене, и тут же услышала оживленный шепот и сдерживаемые смешки. Густо покраснев, готова была забиться в любой уголок, лишь бы ее не видели. Джон отнесся ко всему более спокойно, за время его управления имением уже привык находиться в обществе богатых людей. Он учтиво поклонился миссис Тренд, прошел вглубь зала, где мисс Эдит Мэлон

со своей матерью нашли себе укромный уголок и начали восторгаться роскошностью бала и гостей с безопасного места.

По правде сказать, Саманта и София были слегка разочарованы внешним видом Джона и манерами, которые были крайне просты и не отличались изысканностью, так же как и его наряд. Когда днем за ленчем он был им представлен, их радостные взоры потускнели, да и сейчас, когда молодой джентльмен сделал комплимент мисс Тренд, она очень натянуто ему улыбнулась. У него была несколько провинциальная внешность: красивые большие светло-карие глаза и длинные ресницы, темные брови; широкий нос и пухлые губы, а также румяные щеки; он был высок и немного полноват; его светло – русые волосы, тщательно зачесанные назад. А еще девушкам ужасно не понравились его густые бакенбарды, которые выдавали в нем простака не привыкшего следить за модой. Костюм из темно-синего материала, но вовсе не изысканного покроя, казалось, совершенно не скрывал недостатки фигуры его обладателя. Жесты были немного неуклюжи, а речи лишены утонченности. Он говорил прямо и смотрел на всех открытым взглядом. Мужчины не были столь придирчивы, как дамы, потому многие нашли в нем приятного собеседника и грамотного человека, сведущего во многих делах. А вот дамы несколько косились и в кратчайшее время обсудили всю семью. Но это совершенно не останавливало Генриетту от намеченного ею плана. Скрепя сердце и внимая этикету, миссис Тренд представила Джона также миссис Эсмондхэйл и некоторым своим близким соседкам и их дочерям. Но увидев, что многие молодые барышни неодобрительно косятся на этого простака, с величайшим облегчением, успокоилась.

Наступил черед представить семью Гембрилов, которая из-за плохих дорог приехала самой последней и потому трое нездешних гостей не успели подготовиться к балу вовремя и не были представлены ни Софии, ни Саманте. Когда Адорна Гембрил и ее сын вошли в гостиную, то многие стали живо шептаться. Ричард оказался настоящим красавцем (едва заметный загар придавал его правильным чертам больше выразительности) с утонченными манерами и остроумными речами. Да, за этого женишка для дочерей, Генриетте придется побороться, но она не желала уступать. Вместе с Ричардом прибыл его друг – Генри Мартин. Он не был столь красив, как мистер Гембрил, но имел приятную внешность, на вид ему лет эдак тридцать; жгучий брюнет с черными глазами и загорелым лицом; высокий, хорошего телосложения и правильной осанки, с уверенной походкой. Но, Ричард был, словно, греческий бог и все дамы сразу в него влюбились, или считали, что влюбились. Генриетта ревностно оберегала молодого человека от всякого рода ненужных знакомств и представила его только своим дочерям, мужу и пятерым господам. Но стоит такому видному джентри появиться в обществе, как визитные карточки многих семей слетаются к нему в карман. Миссис Гембрил, дама приятной внешности, была очень утонченной женщиной и хорошо держала себя в обществе. Она не сбежала в укромный уголок, а, наоборот, произвела о себе приятное впечатление и быстро нашла подходящий круг общения.

Ричард представлялся образцом джентльмена и, проявляя всю свою учтивость, первой на танец ангажировал Софию Тренд (при всей щепетильности ситуации Генриетта каким-то чудом умудрилась получить приглашение на танец для ее дочери, и всем остальным желающим ангажировать Софи, было отказано), его друг, внимая примеру, пригласил Саманту (которая была лишена вообще всяких приглашений). И следуя английским традициям, эти две пары открыли бал, а за ними выстроились уже последующие двадцать. Некоторое время спустя, мистер Гембрил успел-таки перезнакомился почти со всеми незамужними барышнями, и станцевать немало спаренных танцев. Джулия тоже была множество раз приглашена, и поэтому долго ждала, когда же ее наконец представят этому господину, она сгорала от нетерпения и некоторой зависти, он успел потанцевать с Софией вперед нее.

А тем временем, потанцевав всего пару танцев, Генри отошел в сторонку и устремил свой взгляд в сторону прекрасной дамы, желая вероятно пригласить первым, но сей джентльмен не

особо в свое время заручился вниманием и поддержкой общества. Так и не был ей представлен, а сейчас только и оставалось, что наблюдать издали, в то время как Джулия его совершенно не замечала. И это не удивительно, кто же не залюбуется, глядя на такую искусную партнершу.

Как ни странно, оказывается, еще одному человеку эта девушка очень понравилась – Джону Мэлону. Вечер был в разгаре, а он не танцевал и все время переминался с ноги на ногу, вероятно набираясь смелости. Не пользовался удобными случаями, и как ему казалось, сия дама постоянно была занята, довелось первой пригласить Саманту. Та презрительно скривила губы, когда он вежливо ангажировал ее. Она хотела ему отказать, но тут почувствовала сзади болезненный щипок. Это была миссис Тренд, своим леденящим взглядом она дала понять, что если ее дочь откажет, то ей не избежать наказания. Девушка, скрепив сердце, согласилась и лишь услышала тихий смешок своей сестры.

Танцевал Джон очень плохо, бедная Саманта то бледнела, то краснела, пытаясь не замечать смешливых взглядов. Особенно она боялась увидеть Джулию, на лице которой расплылась такая улыбка, что бедолага хотела тут же прекратить свой позор. Но, ее мать не менее ревностно наблюдала за ней, и всякое бегство каралось расстрелом, в переносном смысле. Ее партнер по танцу несколько раз наступал ей на ноги и даже на платье. Несчастливая девица не думала, что в двадцать четыре года станет таким посмешищем в собственном доме. Ее зеленые глаза стыдливо скользили вниз, то снова подымались вверх, чтобы увидеть ухмыляющуюся соседку по танцу. И когда этот ужас, наконец, закончился, она с облегчением вздохнула, что сможет вырваться от такого кавалера.

– Вам понравилось со мной танцевать? – вдруг спросил Джон, смело глядя на нее.

“Понравилось ли мне с тобой танцевать?” – подумала Саманта. – “Да, за такие танцы в тюрьму нужно сажать на много лет”. Но вслух произнести она этого не решилась и, чувствуя взгляд матери молвила:

– Да, вы очень хорошо танцуете, но, знаете, я немного устала и мне нужно выйти подышать свежим воздухом, – договорила она, когда мистер Мэлон уже подвел ее к матери.

– О, да, да, разумеется, – молвил он, – танцы очень утомляют, но, я надеюсь, ваша сестра не откажет мне станцевать с ней кадрили?

До сего момента самодовольная София лишь посмеивалась над сестрой и мило улыбалась Джону. Когда же эти речи были произнесены, она побледнела и чуть не упала в обморок. Но, предупредительная мамаша легонько толкнув ее в бок, быстро привела в чувство. И видя, что ее дочь медлит с ответом, решила вмешаться сама:

– Моя дочь не ангажирована, и потому с удовольствием принимает ваше приглашение.

Тихое восклицание вырвалось из груди девушки, и она с ужасом в глазах посмотрела на мать. Но, та была непреклонна, мистер Мэлон недоумевал, глядя на Софию.

– Может она не хочет со мной танцевать? – спросил он.

– Нет! Она просто очень робкая, – не растерялась Генриетта и тихо шепнула Софии. – Немедленно поблагодари сего джентльмена.

София вымучено произнесла слова благодарности и улыбнулась. Она почувствовала, будто сейчас ее разденут и поставят посреди зала нагишом. Тем более девушка успела заметить, что Ричард пригласил Джулию, и вероятно ее соперница ликует на своем пьедестале успеха.

Пенелопа со стороны зрителя наблюдала за всем происходящим, девушка вообще ни с кем не танцевала, да и никто не проявлял особого интереса к ней. Она посмеивалась, когда Саманта с видом раненого лебедя танцевала с Джоном и видела лицо ее сестры, скорее всего, она тоже приглашена. Единственным человеком, который неусыпно наблюдал за ее сестрой – мистер Мартин, и когда его друг приблизился к Джулии, он значительно оживился и повеселел. Странно, раньше ей казалось, что он сам не прочь станцевать с ней. Она задумалась над этим, потом вдруг услышала тихие речи позади.

– Джон неплохо танцевал, – похоже, это говорила миссис Мэлон

– Да, как быстро он научился, – подтвердила Эдит.

– Он пригласил еще одну даму, какое счастье, что вы можете выехать в свет.

– Ох, матушка, это очень тяжело. Этот бал настоящая пытка, я так опасаюсь лишний раз шевельнуться, а тут еще настойчивое приглашение миссис Тренд погостить у нее. Не знаю, выдержат ли мои нервы такое?

– Я тоже немного на нервах, я уже не помню, когда в последний раз появлялась перед такой большой компанией. Но, мы теперь просто обязаны влиться в светское общество, а иначе как ты выйдешь замуж, а Джон – женится?

– Да уж... – тихо про себя молвила Пенелопа, разглядывая потолок. Потом мысленно добавила: “Без шелухи сей светскости никуда не деться нормальному человеку”.

Она встала и грустно направилась к стоящей неподалеку матери, чтобы несколько сместить ход своих мыслей. Миссис Эсмондхэйл была в прекрасном расположении духа. Ей очень понравился Ричард, и она подумывала, как бы заманить миссис Гембрил с сыном к себе на званый ужин. Ей уже доложили, что миссис Тренд настойчиво пригласила Адорну на целый месяц погостить в Моулде, и что приглашение было принято,

Вся эта ситуация напоминала шахматную игру, где – Ричард главный приз. А Диана и Генриетта – два противника, и никто из них не хочет проиграть. Как же все обернется еще неизвестно, но первые ходы уже сделаны и теперь продумываются последующие. За Мэлонов миссис Эсмондхэйл бороться не будет, а вот за завоевание расположения Гембрилов ей придется положить много сил. Адорна подошла к Диане и заговорила о светских приемах. Она, видимо, много бывала в лондонском обществе, поскольку легко указала на несколько преимуществ и недостатков этого празднества у Трендов. Она умела показать себя в лучшем свете и быстро заинтересовала миссис Эсмондхэйл.

Пенелопа подошла, когда они уже очень увлеченно беседовали между собой, лишь иногда отвлекаясь, чтобы посмотреть на своих детей и полюбоваться танцующими парами. Девушка подошла тихонько, явно не желая резко прерывать такой интересный, как ей показалось, разговор.

ГЛАВА 6. Милый взгляд красивой дамы.

У Джулии кружилась голова от счастья танцевать с таким кавалером. Она в жизни еще не встречала сочетания утонченной красоты, образованности, ума и галантности в одном человеке. Наверное, это провидение послало его сегодня, чтобы они встретились. Молодая девица уже и позабыла, что всего несколько дней назад считала их семью бедной и несостоятельной, чтобы на них обращать внимание. Но теперь все по-другому: она предчувствовала, что это ее судьба.

Девушка танцевала со всей грацией и умением, четко контролируя свои движения, ибо ноги подкашивались, когда ее партнер приближался к ней. А еще душу грела картина полного унижения Софии, танцующей с неуклюжим Мэлоном. Но она практически не смотрела на нее, глаза хотели разглядывать Ричарда.

– Вы так хорошо танцуете, – не удержавшись, молвила Джулия.

– Я – нет. Вы превосходно и грациозно держитесь, а я из кожи вон лезу, чтобы соответствовать вашему мастерству, – ответил Ричард.

Джулия густо покраснела, ее глаза заблестели необычным огоньком.

– Но, ведь вы танцевали со многими молодыми барышнями.

– Истинное наслаждение от танца я получаю только сейчас.

Девушка зарделась от таких речей. Молодой человек, решив заполнить неловкую паузу, спросил:

– Вы живете неподалеку от Моулда?

– Да, мы близкие соседи.

– Прекрасно, миссис Тренд пригласила мою матушку и меня, соответственно, погостить в этом доме целый месяц и я боялся, что умру со скуки. Но, теперь мне будет отрадно знать, что такая прелестная и умная девушка живет неподалеку и я смогу, коль вы это позволите, хоть изредка видеть вас.

Джулия нервно засмеялась, пытаясь унять свое волнение. Его речи заставляли трепетать ее сердце.

Тем временем Диана и Адорна внимательно смотрели на своих детей.

– Какая красивая пара! – молвила миссис Гембрил

– Да уж, – подтвердила ее собеседница

– Так отрадно наблюдать за вашей дочерью, в жизни не видела такой грациозной девушки, впрочем, я слышала – все самые яркие таланты протекают в крови.

Миссис Эсмондхэйл была польщена таким комплиментом:

– Что вы, нет, я не так хорошо танцевала в свое время, как моя дочь, но она очень усердная, много занималась, делала блестящие успехи в школе и я горжусь ею.

– Но, даже усердие и усидчивость, несомненно, она должна была перенять от своих родителей.

– Ваш сын тоже многое унаследовал от вас, например, красоту и изящество.

– Вы мне льстите, дорогая, миссис Эсмондхэйл. Я положила много сил, чтобы он стал таким как сейчас. Бог знает, каким ветреным ребенком он рос, – она демонстративно подняла глаза и устремилась в потолок.

– О, тогда вы заслуживаете намного больше похвалы, чем я. Со своей младшей дочерью у меня проблем не было.

– А со старшей?

Миссис Эсмондхэйл глубоко вздохнула и опустила глаза.

– Понимаю, – молвила догадливая Адорна. – она была любимицей отца.

– Как вы догадались? – удивилась Диана.

– Мужья подчас запрещают нам в полной мере заниматься воспитанием своих любимцев.

Миссис Эсмондхэйл мысленно поблагодарила ее за молчаливое понимание и поддержку от всего сердца.

– У вашего сына такой замечательный друг, – заметила Диана.

– О да, Генри – подарок судьбы для нашей семьи.

– Подарок судьбы?

– Да, он дважды выручал моего Ричарда из объятий смертельной опасности, и я премного благодарна ему. Хотела тогда назвать этого человека своим вторым сыном, знаете, все-таки ему крупно не повезло с семьей, и со всей материнской чуткостью появилось желание подарить недостающую любовь.

Диана молча, вопросительно, посмотрела на Адорну, а та, поняв этот взгляд, молвила:

– Не могу точно сказать, каков характер на самом деле был у отца Генри, но поговаривают что это такой авантюрист, его жена извелась, беспокоясь о нем, и ушла из жизни от нервов очень рано, а ведь обладала прекрасным здоровьем в молодости. Старший сын в восемнадцать лет стал заниматься многими делами старика, пока тот претворял в жизнь свои грандиозные планы. Младшего Генри мистер Мартин отдал в пансион, но ему там уж очень не понравилось, и он попросту сбежал. Отец на него очень разгневался и выгнал, едва мальчишке минуло пятнадцать. Многие годы парень скитался за границей, уехал в Америку, потом еще куда-то, работал не покладая рук, чтобы добыть себе средства к существованию, ввязывался в опасные дела, но удача ему улыбнулась. Когда же он вернулся, чтобы поделиться с отцом своими успехами, то застал старика умирающего, практически разорившегося и покинутого. Брат Генри умер при загадочных обстоятельствах, ходили всякие версии, что его убил давний враг отца. И

теперь младший сын пытается вернуть все земли, и даже поместье, ведь дал обещание у кровати умирающего родителя. Мой сын не знал никаких ограничений и однажды, решив пройтись по лезвию ножа, чуть не поплатился жизнью, тогда-то Генри и вытащил его.

Следующий же раз оказался не менее опасным: они вдвоем верхом взбирались по опасной обрывистой тропе, да еще и после проливных дождей. Лошадь Ричарда резко рванула в сторону и поскользнулась. Генри в последнюю секунду схватил моего сына за руку, прежде чем благородное животное упало с обрыва. После этого Генри стал вхож в наш дом не как просто, друг, как член семьи. Мы с мужем не нарадуемся, что Ричард тесно общается с ним. Жаль, что дела его так затруднены, иначе бы он давно бы уже стал прилежным семьянином.

– Но, ваш сын исправился?

– Да, сейчас немного уразумел, но думаю, что окончательно он остепениться, лишь, найдя себе достойную спутницу жизни.

– О, я вас прекрасно понимаю, – кивала головой Диана, она многозначительно взглянула на танцующих, а потом вдруг заметила свою старшую дочь, которая тихонько подошла и стояла поодаль, прислушиваясь к разговору.

– Пенелопа?! – злобно молвила Диана.

– Мисс Эсмондхэйл? – немного растерялась Адорна.

– О, дамы, я наверно помешала вам, просто мне надоело сидеть в одиночестве.

Но не только Пенелопа решила присоединиться к этим дамам. Сама Генриетта, отведя взгляд от дочери, заметила надвигающуюся угрозу. Такие увлеченные разговоры могли привести к сближению двух семейств и нанести неожиданный удар по ее собственным интересам. Кроме того, Джулия кружилась в танце с Ричардом, причем, судя по его глазам, ему это нравилось, а значит, нужно предпринять немедленно соответствующие меры.

Она плавно скользнула через весь зал и оказалась неподалеку от увлеченно беседовавшей парочки. Вторгаться вот так в разговор сразу нельзя, поэтому она сделала следующий маневр: повернулась к какой-то знакомой ей даме, мило переговорила о всяких пустяках минут пять, потом осторожно попятилась назад и столкнулась как бы нечаянно с Дианой. Миссис Эсмондхэйл и миссис Гембрил только что успели отвести взгляд от Пенелопы, как тут же перед ними выросла Генриетта Тренд.

– Тысячу раз прошу у вас прощения, – молвила она, тряхнув своим роскошным тюрбаном.

Ее карие глаза блеснули лукавым огоньком, а на губах появилась дежурная улыбка. В молодости она была хорошенькой женщиной, знающей себе цену. Ее отец был на грани разорения, когда ей исполнилось шестнадцать. С того момента выходить замуж по любви для нее считалось большой роскошью, если предполагаемый жених был простым священником небольшого прихода. Потому, подавив в себе юношеские чувства, она дала согласие совершенно другому, которого видела пару раз. Впрочем, мистер Тренд оказался приемлемым мужем: он был умен, чтобы не довести семью до разорения. А теперь нужно было устроить судьбы своих дочерей, иначе на старости она останется ни с чем, кроме нескольких сот фунтов в год. Свою младшую дочь она намеревалась выдать замуж за кузена, который после смерти ее мужа унаследует Моулд. А вот судьба старших очень ее волновала, потому, уже несколько лет она наводила справки о респектабельных молодых людях, которые могли стать ее зятьями.

– Миссис Эсмондхэйл, ваша дочь просто ослепительна, а какой у нее галантный кавалер, – все эти речи были направлены, чтобы польстить материнские чувства, но, к сожалению, тон которым эти слова были произнесены, говорил о совсем другом: “Как посмела Джулия танцевать с Ричардом?”.

Адорна, так же как и Диана поняли тайный смысл и лишь переглянулись между собой, тем не менее, Генриетта продолжала:

– Мистер Джон Мэлон впервые танцует на балу, его мать сказала мне, что он научился всего за две недели. Правда, он еще плохой танцор, но нужно поддержать этого молодого человека, чтобы он набрался опыта.

– Ваши дочери прекрасные партнерши для танца, – молвила миссис Гембрил, – я уверена, что если они преподадут ему пару уроков, он сможет показать блестящие результаты.

Миссис Эсмондхэйл лукаво ухмыльнулась: “Не так они уж и опытные, и им придется учить этого простака намного дольше, нежели предположила Адорна”.

Генриетта, рассыпая лестные слова, поблагодарила миссис Гембрил и добавила:

– Они погостят у нас с месяц, думаю, времени для репетиций будет предостаточно. И мы с вами сможем оценить успехи первыми.

– О нет, не думаю, что я такой хороший знаток, но вот миссис Эсмондхэйл и ее дочь – знают в этом толк.

– Да уж... – сквозь зубы выговорила Генриетта.

Миссис Тренд была совершенно недовольна этим разговором. Скорее всего, Диана достигла лучшего взаимопонимания, нежели она. Гневно оглянувшись, чтобы найти малейший повод излить свое негодование, сия дама направилась к Саманте.

Тем временем танец закончился. Джулия просто сияла от счастья, за это время она услышала столько лестных отзывов в свою сторону, что не сомневалась уже, что покорила молодого человека. Казалось, он действительно не хочет лишаться ее общества, потому из его уст последовало предложение на второй спаренный танец. Девушка тут же согласилась и на крыльях счастья порхнула к матери.

Джон Мэлон, удостоверившись в своих возможностях, услышав лестный отзыв от Генриетты, решил немедленно ангажировать Джулию. Та еще совершенно не догадывалась об этом и не заметила его, когда он близко подошел к девушке.

– Разрешите... – он запнулся, ибо Джулия не повернула головы в его сторону и что-то нашептывала матери. Наконец миссис Эсмондхэйл обратила внимание на человека стоящего неподалеку. Их взоры направились в его сторону, и он немедля воспользовался этим.

– Разрешите, мисс Джулия, пригласить вас на следующий танец?

Девушка удивленно взглянула на мать, потом бросила гневный взгляд на сего джентльмена:

– Мои танцы уже расписаны... – лишь выпалила она и отвернулась.

Джон стоял пораженный, он впервые оказался в такой глупой ситуации и не знал как правильно вести себя. Он произнес слова извинения и уже собирался уйти.

– Мистер Мэлон! – остановила его Диана. – Джулия действительно уже приглашена, но вот моя вторая дочь – нет.

Пенелопа не принимала никакого активного участия. Она сонно наблюдала за танцами, и проявляла лишь интерес, когда начинали кипеть страсти. Теперь же стоя, будто оглушенная, она не знала как себя повести, чтобы не рассмеяться в лицо матери. Ее пригласить на танец – виданная ли глупость! Тем более, что танцевать она умела не лучше Мэлона. Но, похоже, Джон решил прислушаться к предложению матери и предложил Пенелопе станцевать с ним. Она сдержала смех и кивнула.

ГЛАВА 7. Пенелопа и танцы.

Когда они отошли от матери, девушка, едва сдерживая смущение и смех, произнесла следующее:

– Знаете, мистер Мэлон, я танцую так же плохо, как и вы, потому не ожидайте от меня грации и совершенства.

Джон слегка побледнел:

– Странно, – недоумевая, молвил он, – обе мисс Тренд сказали, что у меня хорошо получается.

– Они солгали, я же не люблю притворствовать и потому говорю лишь то, что считаю нужным.

Мистер Мэлон похоже повесил нос:

– Теперь понятно, почему мисс Джулия отказалась.

– Я не думаю, что она захочет танцевать с кем-то еще, кроме Ричарда Гембрила.

При первом же неверном па, Джон наступил Пенелопе на ногу. Она скорчила ужасную мину и тихо прошипела нелестные слова в его адрес, Джон извинился за свою неуклюжесть, вскоре Пенелопа, только молча, посмеивалась. Пару раз шутливо указала на ошибки, и поэтому сама не успевала следить за дамами. Потом он нечаянно столкнулся с танцующим рядом соседом, и впрямь понял, каков плохой danseur [1]. Танцуя котильон, мисс Эсмондхэйл множество раз ошибалась, исполнила две неправильные фигуры и сбила остальных танцующих. Многие поворачивались, переглядывались и сдержанно улыбались, некоторые злились, другие перешептывались. К концу второго танца оба партнера уже горячо желали прекратить этот цирк и раствориться в толпе. Когда последние звуки стихли и все начали аплодировать музыкантам, Джон нерешительно подал руку и, раскрасневшись, посмотрел на Пенелопу.

– Ох, и насмешили же мы толпу гостей! – заявила девушка. – В этом зале не найдется двух таких людей, которые бы так плохо отплясывали, как мы с вами.

Джон потупил взгляд и без слов, молча, подвел ее к матери. С ним одновременно подошел и Ричард, торжественно придерживая Джулию за руку.

И не успела Пенелопа высказать матери свое неодобрение насчет ее совета, как тут же ощутила чей-то взгляд. Она повернулась и оказалась на опасно близком расстоянии с Ричардом.

– Разрешите, мисс Эсмондхэйл, пригласить вас на следующий танец?

Джулия оказалась рядом, она удивленно посмотрела на Гембрила и необдуманно произнесла:

– Мистер Гембрил, она танцует ужасно!

В ответ он лишь холодно поклонился ей и снова настойчиво повторил ангажемент.

“Ну вот, стоило лишь один раз принять приглашение...” – подумала Пенелопа, но потом ее просветило осознание затаенной опасности: – “Зачем ему нужно со мной танцевать?”

– М-м-м-мистер Гембрил, моя сестра не ошибалась.

– Я буду вам весьма благодарен, если вы примете мое приглашение.

“Он не отступится...”

– Ну что ж, если вы хотите скинуть себя с пьедестала лучших танцоров, станцевав со мной, то я могу лишь посочувствовать вашей незавидной участи.

Странный огонек блеснул в его красивых голубых глазах, это сразу же не понравилось Пенелопе: “Он решил уронить меня в чьих-то глазах, но его уже опередили”.

Да и Джулия казалась явно непосвященной в его планы, настолько пораженной казалась она.

Это был очень красивый вальс, и Пенелопе стало не по себе исполнять такой сложный танец.

– Мисс Эсмондхэйл, вы чем-то озадачены? – внимательно разглядывая ее, поинтересовался Гембрил.

– Не могу решить одну задачку. Вы не поможете мне в этом? – она бросила свой пытливый взгляд.

– Я весь в вашем распоряжении.

– Зачем вы пригласили меня? Я самая худшая партнерша по танцу и вам должно быть стыдно стоять в паре со мной?

– Нет, я танцую со всеми молодыми дамами и не мог пропустить удовольствие вальсировать с вами.

– Как же я удостоилась такой чести, мы ведь с вами едва знакомы?

– Почему же, ваша сестра рассказала мне про вас.

“Интересно, что там Джулия могла рассказать обо мне такого, чтобы заинтересовать этого человека? Наверное, жаловалась ему или насмеялась, хм, странно, после ее слов, он должен был вообще сторониться меня?”

– Мы с сестрой не похожи совершенно, так что не пытайтесь увидеть сходства между нами.

– Да, вы совсем разные, ну и что?

– А еще мы с ней не такие уж близкие люди.

– Она поведала мне об этом, и что, мисс Эсмондхэйл?

“Странно, знает все обо мне и еще хочет со мной танцевать?”

Если бы хотел ей изрядно насолить, но, похоже, он так старательно снискал ее расположение. Тут Пенелопа не удержалась и произнесла:

– Вы очень странный человек? Если вы хотите продолжить более близкое знакомство с моей сестрой, то должны сторониться меня.

– И с вами тоже...

Пенелопа слегка побледнела: “Зачем?” – пронеслось в голове.

– Здешние жители очень гостеприимны, мне чрезвычайно приятно находиться в таком обществе, – он всех расхваливал, но уж Пенелопу не подкупишь лестью.

– Я польщена, только вот, это заслуга миссис Тренд и ее милых дочерей.

– Миссис Эсмондхэйл не менее щедра, она так понравилась моей матушке, что, похоже, они станут хорошими подругами, и мы будем видеться очень часто.

– Моя мать – светская женщина, у нее всегда полно хороших знакомых.

– Знакомых – не друзей.

– Друзья – это слово относительное.

– Да, вы правы. Друзья познаются в беде.

– Как ваш друг – мистер Мартин.

Ричард немного растерялся, улыбка все еще сияла на его губах, но уже не так самодовольно:

– Да, он настоящий друг.

– Да-да, я слышала, ваша матушка пересказывала моей матери историю вашего близкого знакомства.

– Интересно, и что она сказала?

– Хм, он два раза спасал вам жизнь. И что теперь он ей как приемный сын.

– А мне – как сводный брат, – рассмеялся Ричард. – О, да!

– И что в этом такого? – удивилась девушка.

– Ничего, просто мы так похожи на братьев, как вы на сестру.

– Значит вам тягостно такое участие?

– Нет, я даже рад.

Пенелопа раздумывала над поведением этого человека. Скорее всего, такое родство было невыносимым для Ричарда. Но, что ж поделаешь, если он любитель ходить по опасной дорожке. А его друг... Тут она взглядом отыскала его – выделяющуюся среди других гостей фигуру. Он наблюдал за ней так же пристально, как и за Джулией.

“Не менее странный тип, чем Гембрил”, – у нее мурашки забегали от его сверлящих глаз.

Танец закончился, она вежливо поклонилась ему, он же был так любезен с присущим ему изяществом, что две молоденькие девушки, находившиеся неподалеку, оживленно зашептались. Пенелопа намередвалась ускользнуть как можно быстрее, но этот человек, казалось,

решил следовать за ней. Ей было невдомек, зачем он это делает. Вот ее укромный уголок неподалеку миссис Мэлон и ее пугливой дочери, но даже здесь Ричард стоит совсем рядом и ухмыляется. Пенелопа решительно плюхнулась на стул, решив, что до конца бала не встанет с этого места. Она попыталась найти занятое зрелище, дабы совершенно не замечать нахального молодого человека.

– Мисс Эсмондхэйл вы больше не хотите танцевать? – спросил он, глядя на свою жертву сверху вниз.

– Нет, эти танцы так утомляют, а я давно не танцевала так подолгу, потому уже смертельно устала.

Естественно, что Пенелопа врала, она была энергичным человеком, который не устает так быстро, но, если этот денди вознамерится пригласить ее еще раз, у нее должен быть железный повод ему отказать. Но ее кавалер будто не унимался, он уже не стал звать ее на танцы, а лишь отошел на несколько шагов и оперся о колонну. Пенелопа надеялась, что ему захочется закружить в танце других прелестных претенденток, но этого не последовало. Но исчезновение такого партнера из рядов танцующих не осталось незамеченным. Сама Джулия тут же спохватилась и непринужденно прогулялась по всему залу, взглядом разыскивая Гембрила, хотя отдать должное, всячески старалась изображать свою заинтересованность торжеством. На пути она нечаянно наткнулась на Джона, но тот, памятуя свои возможности, посчитал, что приглашать ее он уже не будет. Тем более, ее надменный взгляд, когда он просил у нее прощения, явно отпугнул его окончательно. Наконец, мисс Джулия заметила Ричарда, который все еще оставался на прежнем месте.

– О, мистер Гембрил, не знала, что вы способны утомляться? Все девушки взирают в надежде увидеть в первых рядах именно вас.

– Бывает так, что храбрейшие из людей порой испытывают страх, а неутомляемые – падают от бессилия, – улыбнулся своей коварной, завораживающей улыбкой.

Взгляд Джулии скользнул в сторону и тут же уткнулся в Пенелопу. Как злобно сверкнули ее глаза, и снова поглядела на Ричарда, но его взгляд тоже был прикован к ее сестре.

– В таком случае, – молвила она, – я предлагаю вам выйти, подышать свежим воздухом. Я проверила на себе, что если после стольких утомительных танцев выйти на пять минут в сад, то усталость как рукой снимет.

Она ждала, когда молодой человек предложит ей руку. Но, он будто и не думал сходить со своего места.

– Сегодня такой замечательный вечер, воздух так сладок, наполнен весенними ароматами, ночь так тиха.

– Я, знаете, не любитель наслаждаться природой; я человек деятельный и привык восхищаться одушевленными предметами.

Джулия проиграла это сражение, она лишь томно вздохнула, но, казалось, отступить так легко – не намерена.

– Значит вы, наверное, любите послушать про скачки, мистер Твилд как раз рассказывал, какая лошадь выиграла пять заездов подряд за последний год. Я, проходя мимо, ненароком услышала его пламенную речь, может быть, вернемся и узнаем имя породистого победителя.

– Я нечасто бываю на ипподроме, потому имя победившей лошади может вылететь из моей головы.

У Джулии больше не осталось козырей в рукаве, и к ее немалому сожалению, соблюдая правила приличия, оставалось только извиниться и оставить джентльмена. Хотя Пенелопе было и неприятно находиться под действием леденящего взгляда сестры, но, остаться наедине с Гембрилом казалось худшим из зол. Потому она встала и направилась к сестре.

– Знаешь, Джулия, мне нужно срочно переговорить с тобой кое о чем наедине.

Ее сестра мысленно вцепилась ей в волосы и протянула по всему залу, но на деле она лишь холодно кивнула, и они вдвоем последовали к двери. Ричард тоже не стал мешкать, он сорвался с места, намереваясь последовать за ними, но потом опомнился и раздосадовано вернулся к матери.

– Ну и что такого важного ты хотела мне сообщить? – обиженно выпалила Джулия, когда они вышли из танцевального зала. Ее эффектное платье, сшитое из нежно розового шелка и множества кружев тончайшей работы, в эту минуту слилось с ее румянцем, залившим все лицо.

Пенелопа решила сказать правду:

– Берегись, Гембрила – он очень опасный тип.

– А пока я буду избегать его, слушаясь твоего совета, ты преспокойно уведешь Ричарда у меня из-под носа?

– Ты глупая девчонка, он мне и подавно не нужен.

– Знаю я тебя, твой непростительный поступок относительно господина Фиджера, как же ты его тогда оскорбила. Но, на сей раз берегись сестра, я настороже и не буду слушать твои лживые советы.

Пенелопа лишь взялась за голову:

– Тогда я умываю руки, и не говори, что я тебя не предупреждала.

Когда поздней ночью экипаж увозил их домой, Пенелопа все еще раздумывала над странностями Гембрила, тем временем ее сестра гневно измерила барышню взглядом, лишь нервно постукивая тонкими пальчиками, тогда как миссис Эсмондхэйл, казалось, получила истинное удовольствие от бала и лукаво улыбалась.

[1] – танцор (фр.)

ГЛАВА 8. Хозяева и гости.

Все-таки Диана получила желаемое от бала. Она умудрилась пригласить Гембрилов к себе на обед, пользуясь тем, что пока они находятся здесь, она покажет им местные красоты. Ее дом и владения могли оказаться неплохими местами для экскурсии, и миссис Гембрил горячо поддержала эту задумку, искренне хотела поближе познакомиться с соседями Трендов.

На несколько дней зарядил проливной дождь, потому визит откладывался. Пенелопа сидела у себя в комнате, дышала на холодное стекло и рисовала разные фигурки. Так тоскливо было на душе и поговорить особо не с кем. Джулия внизу наполняет тишину звуками чудесной музыки. Миссис Эсмондхэйл вспомнила, что она хозяйка дома и теперь сводит баланс в библиотеке (которая уже целую вечность пустовала без хозяина), и частенько вызывает к себе экономку. А Пенелопа сидит в одиночестве, изредка спускается вниз и иногда перемолвится словечком со своей горничной. Эти четыре дня показались целым веком уныния и бездействия. Но, наконец, солнце взглянуло на сырую землю своим лучезарным оком. Девушка одиноко кружилась в танце в саду среди росистой травы, она решила вдохнуть пьянящий аромат сорванных цветов и может даже оседлать Капеллану и тронуться в путь.

Она дала себе согласие отправиться на прогулку, но по пути к конюшням услышала топот конских копыт по гравиию. Всадник в плаще и шляпе подъехал к Фортенхоллу и остановился неподалеку от шедшей девушки.

– О, мисс Эсмондхэйл, я так рад вас видеть, чрезвычайно рад... – это был Ричард, с его лукавой усмешкой и самодовольным видом, которые свидетельствовали о заносчивости и себялюбии.

– Мистер Гембрил, вы к нам по делу заехали? – учтиво осведомилась Пенелопа, присев в книксене, и мысленно добавила: “Или заблудились по дороге и приبلудили как дворняга?”

– Хотел засвидетельствовать свое почтение обитателям Фортенхолла, осведомится о вашем здоровье и, естественно, у меня письмо от моей матушки, и я должен лично передать его миссис Эсмондхэйл.

– Она в библиотеке, дворецкий вас проводит...

Он поклонился и удалился. Пенелопа с облегчением вздохнула, она готовилась дать отпор его навязчивому обществу, но, похоже, Ричард не собирался ее тревожить.

Мисс Эсмондхэйл решила повременить с прогулкой верхом, ведь он мог настигнуть ее за пределами дома и тогда ей не будет возможности отвертеться от его общества. Девушка расхаживала по террасе, наслаждалась пьянящими ароматами и свежестью прохладного воздуха. Солнце пробивалось сквозь шуршащую листву и играло причудливыми красками. Птицы заполняли тишину своим пением. Так покружив вокруг дома с часок, она направилась к двери. Она не знала, уехал ли Гембрил. Когда же она вошла в гостиную, то заметила, что Ричард удобно расположился и непринужденно болтает с Джулией и миссис Эсмондхэйл. Они кажутся веселыми и всецело поглощены беседой. Когда Пенелопа вошла, ее сразу же заметили, она учтиво поклонилась, поздоровалась и уселась на оттоманку.

Она думала, что Ричард сразу же обратит на нее свое внимание, но он только встал и поклонился, а затем спокойно уселся и снова заговорил с Дианой. Они разговаривали о предстоящей прогулке, и миссис Эсмондхэйл была настроена, как можно скорее встретиться со своей новой приятельницей. У нее в руках было письмо от миссис Гембрил и она с наслаждением, не спеша, перечитывала его, видимо, там было что-то приятное для ее взора. Ричард же не отрывал глаз от Джулии, он расхваливал дом, уверял, что ему очень приятно находиться здесь и эта местность просто райский уголок. По его мнению, сад миссис Эсмондхэйл напоминал ему сады Франции, о которых у него остались самые приятные воспоминания. Лесть лилась бурным ручьем и все для кого она была предназначена, жадно слушали каждое слово, только Пенелопе было противно находиться в гостиной, ей казалось, что он насмехается над ее семьей, но как опытный плут, хорошо это маскирует:

– Миссис Эсмондхэйл, моя мать не перестает радоваться вашему знакомству, она говорит, что давно не встречала такую достойную собеседницу.

– Мистер Гембрил, вы право меня переоцениваете, – молвила Диана, принимая горделивый и довольный вид.

– Ну что вы, я лишь ее благодарный сын – передаю из своих уст слова матушки.

– Вот как, чудесно будет, когда вы завтра к нам пожалуете, – вмешалась Джулия, – я могу спеть кое-какие песни, на балу у меня не было сил, чтобы порадовать слушателей своим исполнением.

– О, это будет чудесно, знаете, мистер Гембрил, моя дочь была лучшей исполнительницей в школе и всегда оттачивала свое мастерство, так что думаю, вашей матери понравится музыка, я слышала, в молодости она увлекалась ею.

– Да, ее мастерство поражало слушателей, и она прекрасно пела, она даже научила меня некоторым песням, которые мы частенько пели с ней.

– О, вы знаете дуэты, – засияла Джулия, – это прекрасно, я думаю, что смогу вам аккомпанировать, а вы споете вместе с миссис Гембрил.

Ричард был сегодня в ударе, его настроение вмиг заражало неустанных слушателей. А Пенелопа сидела и не могла забыть его странное поведение на балу. Может он был слегка пьян вот потому и вел себя так дерзко, но теперь он совсем иной. Она немного успокоилась, видя, что беды не будет и потихоньку начала вливаться в их разговор. Он вел себя достойно, и она не пыталась особо привлечь свое внимание, ей даже понравилось слушать эту болтовню Джулии, ее бесконечное восхищение Гембрилом. И действительно, что такого плохого, если они пожалуют к нам, будет уйма народу, а ему, как самому желанному кавалеру, не дадут проходу.

Следующий день оказался прелестным, солнце заливало нарядную гостиную, в которой разместились гости. Кроме Гембрилов были здесь и Тренды, миссис Эсмондхэйл не удалось избежать их общества и она, проявляя все правила приличия, пригласила обитателей Моулда, к которым относились теперь и Мэлоны. Кроме мистера Мартина, он откланялся и уехал на следующий день после бала, ссылаясь на свои неотложные дела в далеком графстве.

Джон с интересом изучал книги, лежащие на столе. Его сестра с матерью взяли с собой рукоделие и иногда вставляли пару словечек своего восхищения Фортенхоллом, хотя их усадьба могла оказаться больше. Миссис Тренд, как зоркий сокол, следила, чтобы противник не подступал слишком близко к цели. Ее маска доброжелательности – брошенная на презрение, опаску и злость, роившиеся в душе – была непроницаема. Саманта и София пытались же всячески вывести Джулию из себя, но на этот раз они терпели поражения, ведь все ее внимание было направлено на Ричарда. Затем по просьбе сего джентльмена, она села за рояль и заиграла бравурное вступление, из ее уст полилась прекраснейшая – полная затаенного огня и страсти – баллада о несчастной любви. Все гости слушали ее с упоением. Джон открыл рот и застыл на месте, ни на секунду не отводя от нее взгляда. И только лишь София, надувшись как павлин, ожидала своей очереди блеснуть талантом. Пенелопа со скучным видом сидела в углу, бесцельно теребя в своих руках безделушку. Песня, конечно, отвлекала ее от мыслей, но она знала ее прямое предназначение и потому воротила нос. Как только Джулия закончила исполнение, ее встретили душевные аплодисменты, она рассыпалась в благодарениях каждому присутствующему. Тут София, не выдержав такого внимания, встала и подошла к роялю, она заиграла несколько несложных, но очень завораживающих мелодий. Тем не менее, Ричард уже не обращал никакого внимания на исполнительницу, он что-то пересказывал Джулии, и та внимательно слушала его и улыбалась.

За ними наблюдали многие, в том числе и Джон, он глубоко вздыхал и пытался смотреть на Софию, хотя хотел выразить мисс Джулии восхищение ее музыкальными способностями, но не знал, как подступиться к барышне и преподнести похвалу.

Внезапно вошел лакей, учтиво поклонился гостям, подошел к миссис Гембрил. Он передал ей записку и незаметно вышел. Адорна прочитала небольшое послание, и в ее глаза наполнились страхом.

– О, Боже! – всхлипнула она.

– Мэм, что случилось? – осведомился Ричард.

– Мой муж, твой отец... – она прижала руки к груди, – нужно срочно собираться в путь. Миссис Тренд и Диана были чрезвычайно обеспокоены.

– Уважаемая миссис Тренд, я чрезвычайно рада, что смогла погостить в таком замечательном доме, как ваш, но боюсь, печальные события заставляют нас покинуть его намного раньше положенного срока, – Адорна засуетилась и вместе с ней ее сын.

– Миссис Гембрил, прошу, ответьте мне, что случилось? – поинтересовалась взволнованная Генриетта, переживая, что в ее планы такой незапланированный отъезд гостей не входил.

– Мой муж лежит на смертном одре. Не хочу утруждать вас, но можно ли мне воспользоваться вашим экипажем?

– О, конечно я сама собиралась вам его предложить.

Адорна и Ричард покинули гостиную, в холле они заспешили одеться и выйти. Диана направилась в их сторону, чтобы как следует попрощаться с ними. Выходя, Адорна успела лишь произнести:

– Мне бы не хотелось обрывать наше знакомство вот так, потому в самый кратчайший срок, хочу пригласить вас к себе.

Диана одобритительно кивнула ей и выразила глубочайшие соболезнования. Остальные же гости оставались в гостиной еще на некоторое время, правда, с исчезновением Ричарда разговор как-то не клеился, но вот у Джона появился шанс подступиться к неприступной Джулии.

– Мисс Джулия, вы играли красиво, таких певцов я не встречал в своей округе.

Девушка нахмурилась, эти речи оскорбили ее, хотя в них и не было ничего обидного. Она считала, что он жил в такой дыре, где вообще редко ступала нога воспитанного человека. Вечер закончился прекрасным званым ужином, и гости, поблагодарив хозяйку, отправились домой.

Пенелопа с легкостью вздохнула, противник уехал, она теперь не будет бояться предпринимать дальние прогулки, но вот Джулия не спала полночи, она была несчастна, чувствовала себя брошенной.

ГЛАВА 9. Как ужасно скучна эта жизнь.

Несколько последующих месяцев от новых знакомых Гембрилов не последовало ни единой весточки. Диана была обеспокоена этим, она всячески пыталась выведать хоть немного сведений у миссис Тренд, но если бы ее соседка и знала что-нибудь, то уж точно не ответила бы. Тем временем жизнь продолжалась так же размеренно, как и раньше. Вскорости вернулись Пойтсы. Эта семья была самой шумной в округе, миссис Пойтс была бездетна, она просто обожала своих племянников, встречаясь со своими соседями после поездок в Бат, часами рассказывала о проделках мальчишек и крошки Норы.

Диана приглашала ее время от времени, чтобы как-нибудь скрасить унылые часы ожидания. Даже спокойное прохладное лето, не радовало ее, и уж тем более Джулию.

– Ох, этот проказник Льюк! – восклицала миссис Пойтс, расплываясь от удовольствия, – Бедная моя сестренка, отчитывает их, но вообще они очень милые ребяташки.

Всю эту тираду она выливали на Пенелопу, которая не знала, куда деваться от ее общества. Все считали, что она, скорее всего, останется в старых девах и потому она должна обожать чужих детей.

– Да миссис Пойтс, они милые, не хотите ли еще этих сладких персиков, о, как вам байховый чай? – всеми возможными способами отвлекала девушка свою неугомонную собеседницу.

– О, постой, постой, я же еще не рассказала тебе о милашке Элинон. И кто сказал, что она еще маленькая, да она развита не по годам. Такой умный ребенок и хитрая лисичка, скажу я тебе.

– Я очень рада, – Пенелопа пыталась укрыться куда-нибудь

Тем временем мистер Пойтс все время крутился у рояля перед Джулией и просил ее исполнять свои самые любимые песенки. Этот маленький полненький джентльмен лет сорока, с поседевшими волосами и небольшой лысиной, одетый в просторный черный фрак, под которым он прятал корсет, чтобы скрыть свое немаленькое брюшко, оказался еще и большим любителем сплетен. Он множество раз выводил Джулию из себя своим рассказом, как же хороша исполнительница мисс София, и что он с упоением слушал ее исполнение два вечера подряд, когда они были приглашены миссис Тренд.

Потом Пойтсы захотели поделиться своими впечатлениями о Мэллонах, которых они успели застать в Моулде. Это несколько заинтересовало Диану, ведь Генриетта могла также вспомнить и о Гембрилах.

– Ох, и красавчик этот Джон, такой милый молодой джентльмен, но хватка у него стальная. Он – деловой человек, с ним приятно свести знакомство, – кивал головой мистер Пойтс.

– Его сестра и мать премилые создания, они с таким интересом слушали рассказы о милых моих племянниках. Жаль, что Эдит останется в старых девах, так же как и мисс Эсмондхэйл. Мне ее жаль, такая милая простушка, – покачала головой миссис Пойтс.

Пенелопа скривилась от этих слов, хотя знала, что все сказанное правда. Она ведь не собирается выходить замуж, а вот трусишка Эдит просто боится мужчин.

– Вы знаете, у миссис Тренд гостила еще одна семья, – молвила Диана, осторожно переводя разговор в нужное русло, Джулия горячо поддерживала ее в этом.

– Да? Ах, да – Гембрилы! – воскликнул мистер Пойтс. – Миссис Тренд вскользь вспомнила об этой семье, говорила о них восторженно, жаль, что я многого не услышал, в то время моя женушка перечисляла наряды Норы, подаренные ей родственниками из-за границы.

“Черт бы побрал эти наряды” – гневно подумала Джулия – “рассказывай о Гембрилах”.

– И что же она говорила относительно этой семьи? – как бы, между прочим, вспомнила миссис Эсмондхэйл, поднося чашку чая к губам.

Мистер Пойтс скорчил смешную гримасу, силясь вспомнить поток речей произносимых Генриеттой, она так напрягся, что стали видны морщины на лице:

– Да многое говорила: Ричард был очарован ее дочерьми, хвалил их дом, а его мать милая светской дама, с ней легко и просто общаться, особенно когда погода не позволяет высунуть нос из дома.

Миссис Эсмондхэйл и ее дочь лишь переглянулись между собой, наивная Генриетта, возомнила, что Ричарду нравятся ее дочери. Но ведь они, то знали, что Адорна была в восхищении от Фортенхолла.

– О, еще она говорила, что глава семейства умер. Бедняга уже давно был очень слаб, и ему стало совершенно худо, когда его жена отправилась гостить к Трендам. Знаю, эти сиделки плохо присматривают, пока сама хозяйка не следит за ними. Но, только вот в своих бумагах он оставил неразбериху. Теперь его вдова и сын много времени проводят то в Лондоне у опытного адвоката, то в каком-то приморском городе, там у него было много барж, или я что-то перепутал. Но поскольку сама миссис Тренд полностью не осведомлена, она лишь делится своими предположениями.

Джулия облегченно вздохнула, теперь она знает, почему Ричард не подает о себе вестей, ведь он очень занят. Да действительно, эти денежные дела забирают у мужчин так много времени: взять хотя бы ее отца, уже несколько лет он находится по ту сторону залива, и постоянно пишет, что у него уйма неотложных дел. Младшая дочь даже не задумывалась, почему отец отсутствует. Но, вдруг она поймала себя на мысли, что Ричард может оказаться таким же вечно занятым человеком.

Потом Пойтсы снова начали о своих любимых племянниках, и уже их было невозможно остановить. Терпению Пенелопы наступил конец, она вышла из комнаты, ссылаясь на ужасную головную боль.

Лето угасало, снова подули холодные ветры, принесли свинцовые тучи и проливные дожди. Пенелопа нечасто совершала прогулки с Капеланой, хотя такая размеренная жизнь казалась ей приемлемой. Вот уж и осень подступила в наши края, ее сменит зима и начнется новый сезон. Скорее всего, мать возьмет ее в Лондон в свое великосветское общество и она, так же как и раньше, будет наблюдать за танцующей и веселящейся сестрой, окруженной множеством поклонников. Джулия тоже размышляла об этом, сидя у рояля и напевая лирические песенки. Только вот ее мысли имели немного другое направление: “ Вот закончится эта омерзительная осень и я, наконец, поеду с матерью к моим друзьям, я буду веселиться, но думать о тебе, Ричард, но я не покажу тебе, как я горюю по нашим встречам. А потом ты появишься, увидишь меня и уже ни с кем не захочешь проводить свое время”.

Несколько раз на чай была приглашена миссис Тренд. После отъезда Гембрилов отношения между соседями несколько потеплели и теперь дамы могли спокойно обсуждать предстоящие балы. Саманта и София тоже придерживали свои острые язычки, ведь стоило девушкам высказать какую-то колкость в сторону Джулии, как тут же она вспоминала, как они танцевали с Джоном Мэллоном. Совестно было припоминать тот позор, а Джулия ликовала, открыто улыбаясь самой широкой улыбкой.

В середине сентября, как раз за завтраком, принесли свежую почту, и миссис Эсмондхэйл вскрыла небольшое письмецо адресованное ей. Она бегло пробежалась глазами и прижала к груди:

– Мы приглашены...

Джулия удивленно посмотрела на мать, намазывая булочку маслом.

– Гембрилы пригласили нас в свой дом, – молвила она.

– Правда? – воскликнула Джулия и уронила нож, Пенелопа тоже, она ведь надеялась больше не встречаться с Ричардом.

За несколько дней были осуществлены все необходимые приготовления к поездке, и вся семья отправилась в далекое графство.

ГЛАВА 10. Радушие Гембрилов.

Эти вечера, проводимые в усадьбе Гембрилов, приносили немало удовольствия. Скорбящая вдова всячески отвлекалась от своего горя и душевно разговаривала с Дианой. Такого сближения они не предполагали, когда ехали сюда погостить и выразить свои соболезнования, но сейчас действительно стали настоящими подругами.

Диана прекрасно понимала Адорну. У нее не так давно случилось великое горе. Она всячески успокаивала подругу и поведала свои горести. А Джулия тем временем развлекала безутешного Ричарда, она играла ему на рояле, читала вслух и даже пела. Он ее благодарил и осыпал своими комплиментами. Днем Пенелопа проводила время, прогуливаясь по парку, любуясь ухоженными клумбами и пейзажами, простираемыми за изгородью. Осень уже прикоснулась своей кистью и разбавила зеленые краски золотом. Каштановая аллея, ведущая к главной террасе, стала излюбленным местом девушки. В глубине парка находилась беседка, присев на лавочку Пенелопа могла долго любоваться красотами.

Тем временем Джулия с матерью и миссис Гембрил любили проводить время в мансарде, которую совсем недавно отделали в французском стиле. Сюда по приказанию хозяйки перетасили самые памятные вещи, оставленные ей после смерти мужа, и, усевшись в тесный кружок, милые дамы делились воспоминаниями. Ричард, в основном, отсутствовал: он ездил к соседям, и по делам в город и потому развлекал дам своим обществом лишь во время ужина.

Однажды в обед он приехал в коляске вместе с миссис Нейли. Она была соседкой Гембрилов и иногда навещала Адорну. Не так давно она с сыновьями вернулась из озерного края и решила лично принести свои соболезнования. Ее старший сын Давид выучился на доктора и теперь применял свои познания, назначая лечение родным и друзьям. Младший парнишка был болезненным ребенком, потому заботливая мать вывозила свое чадо подышать целебным воздухом.

Вильна Нейли, сопровождаемая Ричардом, вошла в гостиную, именно когда все общество было в сборе. К Адорне на обед приехало еще две дамы, и они остались с ней побеседовать. Перед взором Пенелопы оказалась женщина невысокого роста, хрупкого телосложения, с мелкими, невыразительными чертами лица. Она была одета в черное, шерстяное платье, укутана в теплую шаль, на голове красовалась дорожная шляпка, украшенная дорогим пером и золотой заколкой. Она цедила слова сквозь зубы, искоса разглядывая Диану и ее дочерей. Среди своих соседей она заслужила беспрекословный авторитет разумной женщины. Но, как и каждая мать, она пеклась о будущем своих сыновей. На сей раз, вкратце изложив свое интересное путешествие, она отметила, что вскоре собирается посетить приморский город Кокермут и некоторое время пожить там.

– Очень хорошо, – молвила Адорна. – я очень рада, миссис Нейли, что ваш Дик идет на поправку и ваше материнское сердце, наконец, успокоится.

– Да, я немного успокоилась, когда увидела улучшение здоровья, но теперь тревожусь о своем Давиде.

– И что же случилось?

– Помните, я говорила вам, что просила мистера Горварда взять моего сына себе в помощники, он отказал мне, но обещал пристроить у кого-то из своих друзей.

– И что же?

– Недавно мне пришло письмо от некоего врача из Летмонда, он просит себе помощника, и мой Давид ему подходит. Я навела справки о том городе и узнала шокирующие подробности. Это – рабочий город, причем такой ужасный, что я даже бы свою камеристку не отправила туда. Я написала этому доктору, но он отписал мне, что знания и умения моего сына не должны быть зарыты в землю. Судя по письму – неприятный тип. Мистер Горвард пообещал ему прислать подмогу, и теперь он пишет мне письма и требует моего сына, будто я ему это обещала.

– Какое неприятное обстоятельство, – молвила Адорна. – но думаю, он отстанет от вас, лишь когда вы кого-то действительно отправите туда.

– Кого я могу уговорить поехать вместо Давида? Да это настоящий хам, я ему ничем не обязана.

Она пробыла еще некоторое время, а потом уехала. Вечер был солнечный, очень теплый. Поужинав, Адорна попросила Джулию что-нибудь исполнить из любимых мелодий ее покойного мужа. Пенелопа вышла на крыльцо подышать вечерним воздухом, в этот самый момент к ней присоединился Гембрил и как-то странно заговорил:

– Мисс Эсмондхэйл я должен вам сообщить очень важную вещь! – заговорил Ричард, пребывая в нервном состоянии. – Это очень важный вопрос, я могу открыться только вам, вы обещаете, что придете в библиотеку ровно в девять, я вас очень прошу.

– Мистер Гембрил, успокойтесь, – молвила Пенелопа, недоумевая, в чем дело.

– Мисс Эсмондхэйл, я должен сообщить вам. .... о, приходите в библиотеку, это страшная тайна, но хочу вам ее поведать.

– Хорошо я приду, но можно довериться и Джулии.

– Нет, она хрупкая натура, а вы сильная. Вы, верно, выдержите этот удар.

Пенелопа не на шутку взволновалась, увидев лицо Ричарда искаженное страхом, его тон означал, что случилось что-то очень серьезное.

В эту минуту вошла Джулия, Гембрил вмиг отошел от Пенни и присоединился к ее сестре. Она вопросительно поглядела на него, но он фальшиво улыбнулся, пытаясь скрыть свое волнение, и прошел с ней в гостиную. Наша героиня не могла вымолвить ни слова, теряясь в неведение.

Пробила половина девятого, миссис Гембрил расхваливала последние цветы, выращенные в ее оранжерее. Она так заинтриговала Диану, что та непременно хотела увидеть их именно сейчас, ведь с наступлением темноты от фиалок исходил приятный аромат. Джулия тоже вынуждена была пойти с матерью, хотя судя по ее настроению, ей этого совершенно не хотелось. Они пригласили садовника, и вышли из дому, оранжерея находилась неподалеку от дома. Пенелопа осталась в доме, она высказалась, что это очень скучно и навлекла гнев матери, потому ее оставили одну. Гембрила с ними не было, он откланялся еще пятнадцать минут назад и поднялся к себе.

Когда часы в холле пробили ровно девять, девушка открыла дверь и вошла в библиотеку. Ричард лежал на кушетке очень бледный, он взглянул на Пенелопу своим вымученным взглядом.

– Мистер Гембрил я пришла к вам, думаю, теперь вы сможете мне открыть свою страшную тайну.

Он поднялся, провел рукой по лбу и ударил себя в грудь.

– Мисс Эсмондхэйл, только на вас возлагаю я свои надежды. Я не мог открыться никому, даже матери, но вы иной человек.

– Не думаю, но я не люблю сплетен, а потому никому не скажу.

– Дело в том... дело в том... – его голос обрывался, он испуганно оглядывался по сторонам, его руки дрожали, и некоторое время голос не повиновался ему.

– Мисс Эсмондхэйл клянись, что не скажете сестре, о, для нее это будет удар, у нее очень хрупкая натура, а я как истинный джентльмен не могу нарушить ее душевное равновесие.

“Бедная Джулия, ага, знал бы ты ее истинный характер”, – подумала Пенелопа, молча выслушивая речи ее собеседника, а потом добавила – “Хорош джентльмен, о моей сестре подумал, а обо мне забыл, у меня характер тоже неустойчивый, меня тоже может хватить удар”.

– Я вынужден сообщить вам, что... что... – из его рта вырвался хрип, он схватился за горло и упал на диван, стоящий за ним, но неудачно, и сполз на пол.

– Мистер Гембрил!? – испуганно воскликнула Пенелопа. – Что с вами?

– Воздух... аха... мне нужен воздух, – он начал биться в конвульсиях, его голова сильно ударилась об пол.

– Я позову кого-нибудь?

Он протянул руку пытаясь схватить ее за руку:

– Воздух... – прохрипел он. – Вдохните в меня воздух... я умираю..., – далее он ничего не смог сказать.

– Вдохнуть воздух... – в отчаянии молвила Пенелопа. – Эй, кто-нибудь помогите...

Но никто не прибежал на призыв девушки. Ей ничего другого не оставалось, как приблизить свои губы к его рту и вдыхать воздух. Поначалу она делала, стараясь не прикасаться губами к его губам, но он сам обхватил ее голову, и они встретились в поцелуе, тут-то предательница дверь и распахнулась.

– Пенелопа!? – в изумлении воскликнула мать. – Что ты делаешь?

– Матушка, ему плохо, я пытаюсь ему помочь.

– Мне не плохо, – молвил Ричард с ухмылкой на устах, – она повалила меня и целует.

– Что!? – открыли рот Джулия, Диана и Адорна.

– Как ты смеешь на меня клеветать? – в ужасе молвила она.

– На тебя клеветать, ты уже минут десять крепко держишь меня в своих объятиях и целуешь.

Диана посмотрела на свою дочь взглядом полным гнева, казалось молнии сверкавшие в них могут вырваться и убить свою жертву, но настоящую ненависть к сестре испытала Джулия. Она оттащила Пенелопу от Гембрила и они с матерью вытолкнули ее из библиотеки.

Адорна подскочила к своему сыну, она оглядела его и в ужасе воскликнула:

– О, Бог мой, у тебя кровь!

– Эта тигрица накинулась на меня, у меня болела голова и она воспользовалась этим.

– Прошу прощения за мою дочь, – молвила Диана, краснея от стыда.

– Миссис Эсмондхэйл, что такого мы вам сделали? – упрекнула ее Адорна. – У меня умер муж и остался только единственный сын, я не переживу горя, если с ним приключится беда.

Диана нервно выскочила из библиотеки, она зашла в гостевую комнату, где Джулия рвала и метала, упрекая сестру в предательстве.

– Как ты посмела так поступить? – зашипела Диана, больно толкнув Пенелопу, – Зачем ты унизила нас перед этими людьми?

– Как я теперь буду смотреть Ричарду в глаза? – рыдала Джулия.

– Я не виновата...

– Нет, ты виновата и понесешь самое тяжкое наказание, и, кажется, я догадываюсь какое.

Она влепила пощечину Пенни и демонстративно вышла из комнаты, Джулия последовала за ней, проливая горячие слезы.

ЧАСТЬ II. ТРУДНОЕ ИСПЫТАНИЕ

ГЛАВА 1. Летмонд.

Трудное испытание дается человеку, чтобы закалить его дух и несет в себе огромную пользу, особенно во время наших размышлений и приобретенных выводов, укрепляющих дальнейшие решения на пути к светлому будущему. Но пользуется ли этим благом человек, видит ли правильность своего наказания, или проклинает судьбу, жалуясь на жизнь?

Дилижанс остановился. Кто-то из выходящих пассажиров легонько толкнул Пенелопу и девушка проснулась. Несколько дней в пути, а также постоянные тревоги и переживания, не давали ни на минутку расслабиться, и потому она всегда была начеку, любое движение и мисс Эсмондхэйл открывала глаза. Все еще пребывая в состоянии дремоты, граничащей с душевными тревогами, барышня повернулась к сидящей близ нее даме, и спросила:

– Где мы остановились, мадам?

– Это – Летмонд.

Пенелопа развернула лист бумаги, на котором ее мать написала адрес врача и про себя воскликнула:

– Летмонд – это моя остановка!

Она оказалась возле небольшой гостиницы «Черный всадник», где дилижанс высадил пассажиров. Гостиничные часы только что пробили без четверти шесть. В небольшом холле она встретила хозяйку гостиницы и немедленно начала расспрашивать, как можно добраться на Ноул-Парк стрит.

– Есть ли у вас наемная карета, чтобы доехать? – спросила Пенелопа напоследок.

– У нас есть небольшой, но удобный кэб, мисс, только он в данный момент занят, – молвила миссис Тан.

Узнав, что карета таки есть, Пенелопа повеселела, но вот то, что она занята – не обрадовало барышню. Услужливая хозяйка, убеждения которой основывались на обходительности с клиентами, ради благополучия семейного дела, приказала слуге подать чай с угощением для ожидающей гостьи, дабы скрасить тянущиеся часы томленья в четырех стенах. Впрочем, предложение перекусить сэндвичами и нарезанной бараниной, запивая чаем, пришлось утомленной путнице по душе, ведь она так паршиво позавтракала, да и была в неведении относительно своего ночлега. Впечатление о Летмонде она составила уж очень поверхностное – пока что ее поразил местный говор жителей. Видимо, проживали здесь в основном люди низших классов и торговцы, которые не отличались ни манерами, ни учтивостью. Но возможно, это ее впечатление было основано на наблюдении за шестью господами, толпившимися в холле. Едва она допила чай, кэб был к ее услугам. Ее вещи уже заложили, и она готова была немедленно пуститься в дорогу.

Целый час по плохим дорогам показался путешествием отнюдь не из приятных. Кучер не торопил лошадь и практически ехал шагом. Пенелопа всматривалась в окружающий пейзаж: плохо освещенные узенькие улочки; старые почерневшие дома; множество слоняющихся нищих и пьяниц; доносящийся отовсюду громкий крик и уличная брань; вдобавок – сырость, вонь и пронизывающий северный ветер. Девушка сравнивала те красивые улочки, где они обычно бывали с матерью, тех элегантно одетых дам и джентльменов, грациозно приветствующих друг друга. Права была миссис Нейли, которая утверждала, что в эту дыру она бы ни при каких условиях не отправила даже свою камеристку. А вот миссис Эсмондхэйл считала, что это послужит ее старшей дочери еще каким уроком.

“И что такого я сделала – несправедливо пострадала от непутевого женишка Джулии?”, – подумала про себя девушка, пряча в муфту замершие руки.

Ноул-Парк стрит – небольшая улочка, примыкающая к жалкому подобию городского парка, оказалась такой же грязной и неприветливой, как и те, что они проезжали. Группа изрядно опьяневших мужчин медленно выползала из местного паба и всячески перебрани-

валась между собой, тут же полноватая женщина, высунувшись из оконного проема, громко ругалась с одним из них, по-видимому, то был ее муж. Пенелопа заплатила кучеру и отпустила экипаж. Она еще раз взглянула на клочок бумаги с адресом и номером дома. Да – действительно – пятьдесят шесть.

Она подошла к двери и нервно постучалась, боясь, чтоб ее не настигла плохая компания. Старая служанка открыла дверь и, натягивая очки, осведомилась – кто эта путница и что ей надобно от доктора?

– Меня зовут Пенелопа Эсмондхэйл. Я приехала из Фортенхолла, это в . . . ширском графстве. Вот записка от миссис Нейли, которую она передала доктору.

Служанка впустила Пенелопу в небольшую комнатушку, вероятно, служившую приемной для посетителей или больных. Это была совсем маленькая, плохо обставленная комната, оклеенная немодными обоями, со скрипящим полом. Деревянный стол, несколько стульев, а также кушетка и шкаф с медицинским инструментом. Узенькое окно служило освещением днем, а ночью свет исходил от топившегося камина. Как поняла Пенелопа, доктор жил на втором этаже, а осматривал больных на первом.

Служанка отсутствовала уже с полчаса, девушка одна сидела в комнате и прислушивалась к различным звукам, которые свидетельствовали, что наверху ведется оживленная беседа. Эти стены тонкие и потому слышимость отличная. Наконец, кто-то спустился по лестнице, спокойно раздавая указания, потом послышался еще чей-то мужской голос. Пенелопа смогла различить лишь обрывки разговора:

- Ты мне обещал помочь . . . ты же знаешь мое положение . . . и я получу все сполна.
- Да, я обещал твоей матери . . . а тебе не кажется, что это очень жестоко?
- Нет, этот господин настоящий скупец, но он все готов отдать, чтобы только . . .
- Жесток этот господин . . .
- Все, я надеюсь на тебя . . .

Через пять минут, после этого разговора, в приемную вошел доктор Кроссел, у которого отныне будет работать Пенелопа. Его возраст составлял около пятидесяти, он был среднего роста, хорошего телосложения. Располагал не самой красивой внешностью – темные вьющиеся волосы, небрежно уложенные набок, черные глаза, взирающие из-под насупленных бровей, широкий нос, узкий лоб, немного угловатые черты лица. И он весь был очень угрюм.

Одежда доктора отличалась крайней простотой: его коричневый шерстяной костюм, грубого покроя, хорошо скрывал фигуру. Он недоверчиво смерил взглядом Пенелопу, впрочем, и она оделась довольно скромно для этого путешествия, не сверкала ни нарядами, ни украшениями, а потому ей нечего было стыдиться. Перед своим путешествием ей пришлось заказать наряды, которые она сможет одевать без посторонней помощи.

- Вы – Пенелопа Эсмондхэйл, – молвил он, держа в руке записку от миссис Нейли.
- Да, это я, – вежливо поклонилась девушка, создавая приятное впечатление.
- И вас отправила ваша матушка ко мне в помощницы?
- Да.
- И что же вы умеете делать?

– Ну, сейчас мне трудно дать четкий ответ на ваш вопрос. Но я постараюсь делать все, что вы мне велите.

– Вы нанимаетесь ко мне на работу и ничего не умеете делать? – грозно молвил он, в упор смотря в глаза девушки.

– Я же не сказала, что ничего не умею делать, – возразила Пенелопа.

– Но и не ответили прямо на поставленный вопрос.

“Интересно, что ж он хочет от меня добиться?” – про себя подумала Пенелопа. – “Да, я ничего не смыслю в медицине, но разве и так непонятно”.

Рассерженный доктор минуты две внимательно всматривался в лицо Пенни, а потом промолвил:

– Такая красотка, скорее всего, вообще не привыкла работать, а я не собираюсь брать к себе в помощь белоручку и ленивицу, постоянно подталкивать и заставлять ее трудиться.

– Меня не нужно подталкивать и заставлять, я могу спокойно выполнять то, что мне велено и не возражать.

Доктор поправил очки и бросил на девушку свой недоверчивый взгляд.

– Зачем мне женщина ничего не умеющая, я просил юношу, который смыслит в медицине.

Пенелопа несколько удивилась, но потом решила – если она ему не нужна, то скорей всего ей пора возвращаться домой.

– Значит, вы меня не берете?

– А у меня есть выбор? Мне прислали не того, кого я просил, но мне все равно нужен помощник, а коли вы единственный претендент, то мне не с кого выбирать, значит, я вас нанимаю. Но, учтите, это – настоящая работа, не развлечение, здесь нужно тратить все силы. Поначалу я буду платить вам 15 фунтов в год.

– Так мало? – про себя прошептала девушка и видимо ее услышали.

– Моя клиника, – молвил он, указывая рукой в пространство, – не приносит большого дохода, поэтому я не могу разбрасываться большими деньгами. Обязанности у вас будут самые разные: ухаживать за больными, порой быть сиделкой, готовить микстуру, вести учет по платежам. Как видите, я уже не могу справляться со всем, а моя служанка Милен старовата и практически ничего не видит, так что, барышня, вы будете много трудиться.

– Я готова, – кивнула Пенелопа, – а где моя комната?

– Ваша комната? – удивился мистер Кроссел. – У меня нет лишних комнат.

– Но, а где же я буду жить?

– Я предлагаю вам снять комнату где-нибудь неподалеку.

Пенелопа была немного шокирована, она впервые оказалась вне дома и уж ничего не смыслила в найме квартиры. Но во взгляде доктора девушка прочла, что отдельного места на втором этаже ей нет.

– Подойдите к Милен, пусть даст вам старенький передник и платок, они вам понадобятся. Завтра ровно в восемь жду вас на этом самом месте, учтите, опозданий я не потерплю.

Пенелопа подошла к Милен в очень плохом настроении. Дело в том, что уже ночь на дворе, а у нее нет жилья, да и денег не так уж и много. А ее тяжелый чемодан стоит у дверей и сама она его с трудом дотянет куда-нибудь.

Старушка Милен, хоть и простовата на вид, но более добродушна и сговорчива, сразу подметила в девушке унылое настроение и участливо поинтересовалась, в чем состоит беда.

– У меня нет жилья, – развела руками Пенелопа.

– О, доктор и впрямь нехорошо поступил, стемнело уже, а вам и податься некуда. Но я вам немного помогу, у меня есть знакомая, которая сдает меблированные комнаты, думаю, у нее найдется свободная комнатка.

Милен быстро накинула плащ и надела шляпку и, помогая Пенелопе нести ее тяжелую ношу, быстренько подошла к одному из серых непримечательных домов и постучалась в парадную дверь. Ей открыла молодая женщина и без расспросов, молча, пригласила войти.

– Это – Сара Макдуол, – молвила старушка, повернувшись к Пенелопе, – ее мать не стыдилась называться моей приятельницей, она умерла много лет назад, а ее дочь теперь здесь заправляет всем.

– Дорогая, у тебя есть свободная комната для приезжей барышни, уже ночь, а ей негде остановиться?

– Конечно, – молвила она, взяла свечу со стола и учтиво пригласила Пенелопу следовать наверх.

Дом был небольшой, плохо обставлен, с выбеленными стенами, посеревшими от времени. Один камин, дымящий на кухне, согревал весь дом, остальные два видимо давно не использовались. Первый этаж занимали крохотный холл, кухня, кладовые и еще несколько комнат. Второй – десять жилых комнат, две из которых предназначались для хозяев, остальные – для квартирантов. Сейчас приезжих было мало, потому пять комнат пустовали. Сара прошла и осмотрела все имеющиеся в наличии свободные комнаты, затем выбрала самую приличную, как ей показалось, и вручила мисс Эсмондхэйл ключ.

– Вам нравится эта комната, она самая просторная и светлая, надеюсь, вы будете чувствовать себя здесь комфортно?

Те покои, к которым привыкла наша героиня, во много раз превосходили этот крохотный уголок. Одно небольшое окошко с облупленной краской; голые стены и скрипящий пол; кровать, устланная пожелтевшим постельным бельем; старый шкаф с трухлявыми, разболтанными дверцами; комод со стертым лаком и множествами повреждений на крышке; запыленный стол и плохо сколоченный стул. К этой комнате примыкала крохотная каморка, в которой находились все принадлежности для умывания: большой оловянный таз и глиняный кувшин с надбитой ручкой.

Пенелопа осталась в комнате сама, лишь одинокая свеча служила ей источником света. Было довольно холодно и неудобно. Девушка присела на кровать и почувствовала, какая она жесткая, видимо набивка матраса полностью истлела. Барышне захотелось выпить воды и немного перекусить. Сара подала ей немного каши, небольшой кусочек хлеба и чашечку горячего кофе, больше у нее ничего съедобного не было. Хотя миссис Макдуол и считалась квартирной хозяйкой, но управлялась с готовкой еды и уборкой дома практически сама, иногда она нанимала себе одну помощницу, но это либо когда у нее были заняты все комнаты, либо попадались богатые квартиросъемщики, которые с охотой платили за дополнительные удобства. Один раз у них целый месяц под кровом прожила кухарка, нанятая с местного кафе, чтобы угодить одному ворчливому клиенту. Пенелопа с жадностью проглотила свой поздний ужин, который ей так был необходим после многих часов проведенный в пути, но чувство голода все еще осталось. У себя в комнате она разложила все вещи, самые ценные сложила в комод, который хоть и имел непривлекательный вид, но все же хорошо закрывался. В шкаф она сложила свои платья и несколько пар туфель. Спалось девушке плохо, она постоянно вертелась в постели, пытаясь улечься поудобней, но кровать была настолько жестка, что у нее болели все кости. В октябре было уже довольно сыро и прохладно, и ночью в комнате было чуть теплее, нежели снаружи. Пенелопа оделась в теплые вещи, но ее все равно пробиравал холод. Когда она, наконец, ощутила, что сон начинает одолевать ее, то услышала за дверью громкий шум и звучный мужской голос, который попросту выкрикивал какие-то непристойные ругательства во имя всего, что попадалось ему на пути. Дверь громко хлопнула, и спустя минут пять наступила тишина.

Утром она рано встала, лишь только начало светать. Может быть, из-за некоторого страха опоздать или поскорее покинуть свое неудобное ложе. Пенелопа спустилась на кухню и обнаружила всех жителей этого дома, которые к немалому ее удивлению, обслуживали себя сами, ведь в их плату за жилье не входило питание. Старуха Скрин, занимавшая одну из наемных комнат, помешивала в кастрюльке съедобное варево. Миссис Кофью с дочерью, проживавшие в двух комнатах, следили за кастрюлей побольше, в которой вот-вот должна была закипеть вода, ранее принесенная из колонки. Сама же миссис Макдуол умывала свою дочурку Дороти. Пятилетняя девочка казалась больной: ее тощее тельце и нездоровый цвет кожи, также невыразительные черты лица были доказательством этому, кроме того, она постоянно тряслась и пугливо прижималась к матери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.